

СТАНИСЛАВЪ ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ И ЕНОВАЯ ШУБА.

(Изъ воспоминаній о Н. Н. Страховѣ).

I.

СОЗНАЮ свою виновность по отношенію къ памяти покойнаго Николая Николаевича Страхова и отъ близкихъ, увы, уже немногихъ его знакомыхъ, оканчивающихъ, подобно мнѣ, свое земное странствіе, не разъ слыхалъ упреки за то, что до сихъ поръ не написалъ о немъ воспоминаній.

Каюсь въ этомъ. Однако же позволяю себѣ думать, что упреки моихъ сверстниковъ не своевременны и до нѣкоторой степени даже не основательны: я, къ великому моему счастью, не принадлежу къ числу тѣхъ бойкихъ писателей, которые послѣ смерти извѣстнаго лица тотчасъ же печатаютъ о немъ воспоминанія и заботятся при этомъ всего болѣе о томъ, чтобы ихъ маленькія, часто ничтожныя и недостойныя общественнаго вниманія фигурки были обрисованы въ отношеніяхъ къ извѣстному лицу насколько возможно въ выгодномъ освѣщеніи. Но Богъ имъ судья.

Положимъ, со дня смерти Николая Николаевича минуло уже семь лѣтъ (онъ скончался 24 декабря 1896 года), но это не важно. Писалъ же, напримѣръ, онъ самъ воспоминанія о поѣздкѣ на Авонъ чрезъ десять лѣтъ послѣ этой поѣздки, значитъ, у меня еще остается въ запасѣ цѣлыхъ четыре года. Я, Богъ дастъ, напишу о Страховѣ все, что память сохранила, расскажу, гдѣ, когда,

при какихъ обстоятельствахъ мы познакомились, какъ подружались и прожили потомъ съ нимъ въ мирѣ и согласіи въ одной квартирѣ восемнадцать лѣтъ. Все это—въ будущемъ и не въ далекомъ, надѣюсь.

Во всякомъ случаѣ воспоминанія о покойномъ Николаѣ Николаевичѣ, когда бы они ни появились въ печати, не потеряютъ своей цѣны. Напротивъ думаю, что чѣмъ позднѣе они будутъ напечатаны, тѣмъ больше въ нихъ окажется интереса.

Такъ большія зданія всегда лучше и удобнѣе обрисовываются на извѣстномъ разстояніи.

Итакъ о Страховѣ и о моей многолѣтней съ нимъ дружбѣ поговорю впоследствии, а теперь пока позвольте подѣлиться рассказомъ объ одномъ случаѣ изъ его жизни, случаѣ, положимъ, не крупномъ, не имѣвшемъ никакихъ особыхъ послѣдствій, но достаточно обрисовывающемъ черты его характера.

Однажды, возвратясь со службы, онъ получилъ извѣстіе, показавшееся ему страннымъ. Точнѣе говоря, оно показалось ему не только страннымъ, но даже обиднымъ и весьма его озаботило.

Живя въ столицѣ чуть ли не полвѣка, онъ велъ такой образъ жизни, какъ будто жилъ гдѣ-то на другой планетѣ, на которой нѣтъ ни злобныхъ, ни завистливыхъ людей, ни чиновъ, ни орденовъ. Слова Шопенгауэра о томъ, что «міръ все равно, что адъ, въ которомъ люди съ одной стороны мучимыя души, а съ другой дьяволы», составляли прямую противоположность его взглядамъ. Онъ думалъ, что міръ устроенъ прекрасно, и все въ немъ, по библейскому выраженію, «добро зѣло». И въ частныхъ бесѣдахъ и въ литературныхъ своихъ работахъ онъ не разъ высказывалъ такое мнѣніе, что въ людяхъ вообще больше хорошаго, нежели дурного. «Родъ людской,—писалъ онъ,—конечно, представляетъ всѣ тѣ темныя стороны, которыя съ такою силою и глубиною изображаетъ Шопенгауэръ, но жизнь людей, очевидно, содержитъ въ себѣ и какія-то добрыя и свѣтлыя начала, которыя дѣлаютъ ее менѣе пустою и ужасною, и которыя мы откроемъ только тогда, если сумѣемъ войти въ ея интересы, слѣдовательно, если будемъ смотрѣть на нее не съ однимъ лишь гнѣвомъ и презрѣніемъ, а и съ нѣкоторою любовью и участіемъ». (Предисловіе къ Шопенгауэру: «Міръ, какъ воля и представленіе». Томъ I, стр. VIII).

Но изъ всего хорошаго въ мірѣ, если не самое лучшее, то, по крайней мѣрѣ, самое пріятное и дорогое для него составляли книги. Всю жизнь свою со дня молодости до послѣдняго, можно сказать, дня своего земного существованія онъ былъ занятъ книгами, разыскивалъ ихъ по ларямъ букинистовъ, перешлеталъ, разставлялъ

по полкамъ своей квартиры и съ утра до вечера былъ погруженъ въ ихъ чтеніе.

Когда я иногда шути напоминалъ ему, что Шопенгауэръ не одобряетъ такого постояннаго увлеченія чужими мыслями и совѣтуетъ жить своими, онъ, по обыкновенію, улыбался при этомъ тихой добродушной улыбкой и, медленно, не спѣша свертывая папиросу, отвѣчалъ:

— Да, да!.. Шопенгауэръ, конечно... да, онъ—большой мыслитель.

— Но вы все-таки его совѣту не слѣдуете...

Онъ, бывало, въ отвѣтъ на мои слова вздохнетъ какъ-то особенно тихо и помолчавъ, точно обдумывая что-то, проговоритъ обычное:

— Да, да... Это, конечно... Совѣтовать можно...

Въ той общей квартирѣ, которую мы съ нимъ занимали на углу Торговой и Крюкова канала, въ домѣ, бывшемъ Стерлигова, помѣщеніе его состояло изъ двухъ большихъ комнатъ и особой передней. И обѣ комнаты его и передняя и даже передняя той части квартиры, которую я занималъ, были завалены и заставлены книгами. Его знакомые и я, многогрѣшный, замѣчая, какъ съ каждымъ годомъ наша квартира все болѣе и болѣе замѣщается книжными шкапами и полками, шутили иногда, высчитывая, черезъ сколько лѣтъ книги, умножаясь, вытѣснятъ наконецъ и его самого и меня съ семьей изъ квартиры на лѣстницу. Слушая такія рѣчи, Николай Николаевичъ по обыкновенію улыбался и, покачивая головой, отвѣчалъ:

— Ну, вотъ, какія удивительныя вычисленія... Что жъ! Тогда мы можемъ принять соотвѣтственныя мѣры... Другую квартиру взять, напримѣръ... побольше... Хотя, нужно сознаться, и эта квартира немаленькая. Да, да. Въ моей приѣмной комнатѣ можно даже танцевальный вечеръ справлять... Хе, хе...

Можно было безъ всякаго преувеличенія сказать, что онъ живетъ не въ квартирѣ, а въ огромномъ книжномъ шкафу. Мало того, что книги занимали и комнаты его и обѣ наши переднія, онѣ были грудами разложены и по дивану, имѣвшему четыре аршина длины. Онъ потому и купилъ такой большой диванъ, что ужъ очень онъ показался ему пригоденъ для помѣщенія книгъ. Грудами лежали онѣ и по кресламъ и даже на полу въ углахъ квартиры. Словомъ, квартиру занимали книги, а самъ Николай Николаевичъ состоялъ при нихъ въ качествѣ... ну, хранителя, что ли, поклонника, покорнѣйшаго слуги, вообще въ качествѣ такого почтительнаго человѣка, который изъ уваженія къ господину готовъ приткнуться гдѣ нибудь въ тѣсномъ уголкѣ, лишь бы дать ему побольше мѣста.

Книгъ въ его квартирѣ ко дню смерти оказалось болѣе двѣнадцати тысячъ томовъ.

Странная участь выпала на долю этихъ книгъ. Онѣ, положимъ, не разбрелись опять по книжнымъ ларямъ букинистовъ, какъ это обыкновенно случается съ большинствомъ частныхъ книгохранилищъ, но очень послѣшно и необдуманно, можно сказать, безъ всякаго счета и описи, не говоря уже о каталогѣ, свалены были въ ящики и отданы наслѣдникомъ его въ даръ одному изъ министерствъ. Но объ этомъ рѣчь впереди, именно въ томъ недалекомъ будущемъ, о которомъ я упомянулъ выше.

Такъ вотъ такой-то почтенный старичекъ, чуждый житейскихъ расчетовъ, каковымъ былъ Николай Николаевичъ, неожиданно къ великому своему изумленію получилъ странную, огорчившую его бумагу, присылки которой онъ ни въ какомъ случаѣ не ожидалъ.

Нѣсколько разъ перечиталъ онъ ее, нѣсколько разъ укоризненно покачалъ при этомъ головой и, положивъ обратно въ конвертъ, сунулъ въ ящикъ письменнаго стола.

Въ былые годы, когда его длинная борода не была еще бѣло-снѣжной, онъ, случалось, проводилъ за этимъ столомъ время отъ вечерней зари до утренней и обкладывался со всѣхъ сторонъ книгами. Въ описываемое время, будучи уже, можно сказать, въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ проводилъ за нимъ тоже немало часовъ, иногда, по его словамъ, съ ранняго часа вечера «до утренняго куроглашенія», но, нужно замѣтить, засиживался онъ не столько за письменными занятіями, сколько за чтеніемъ книгъ.

Оставлялъ онъ книгу только около двухъ часовъ ночи, самъ гасилъ лампу и уходилъ въ сосѣднюю комнату. Вся наша квартира къ этому времени была обыкновенно въ глубокомъ снѣ, онъ одинъ бодрствовалъ и иногда даже и послѣ двухъ часовъ не ложился въ постель, страдая бессонницей. Въ описываемый вечеръ тѣмъ болѣе ему было не до сна. И въ теченіе долгаго вечера, вѣрнѣе сказать, доброй части ночи онъ не одинъ разъ задумывался по поводу полученной бумаги, покачивалъ головой, видимо относясь къ кому-то съ укоризной, и рѣшилъ, что по этому дѣлу ему непременно слѣдуетъ объясниться съ начальствомъ.

Около полуночи я, возвратясь съ прогулки, которую ежедневно дѣлалъ послѣ вечернихъ занятій, зашелъ къ нему пожелать, по обыкновенію, спокойной ночи—и удивился. Онъ сидѣлъ въ мягкомъ креслѣ около своего непомѣрно длиннаго дивана въ суконномъ халатѣ гороховаго цвѣта и сидѣлъ сгорбившись, задумчивый и безъ книги въ рукахъ.

Страховъ безъ книги и при томъ въ халатѣ, да еще и сидящій сгорбившись, это было уже явленіе рѣдкое, указывающее на его нездоровье.

— Что съ вами?—спросилъ я:—нездоровится?

Онъ какъ будто очнулся отъ сна и тихо съ грустнымъ отгнкомъ въ голосѣ отвѣтилъ:

— Да, немного недомогается...

— Простудились, да?

— О, нѣтъ. Я, знаете, остороженъ... А такъ, неприятности есть... положимъ, небольшія.

— Отъ кого, по какому случаю?

— Такъ... пустяки собственно... Не стоитъ и говорить...

Онъ помолчалъ, видимо колеблясь, говорить ли о неприятностяхъ, но потомъ нѣсколько оживился, сталъ рассказывать, какого рода были у него неприятности, и повеселѣлъ. Оказалось, что его представили къ наградѣ орденомъ, представили неожиданно и, что всего было ему обиднѣе, не въ-время.

— И странно: зачѣмъ меня представлять? Другіе ждутъ не дождутся, и радость имъ велия отъ этого. А они меня представляютъ. Къ чему? Мнѣ не нужно и въ особенности теперь... Мнѣ, знаете, теперь не до ордена...

— Почему, Николай Николаевичъ?

— Да такъ вообще, не стоитъ говорить...

Онъ уклонился отъ объясненія причинъ и уклонился, пасколько могъ я понять, именно потому, что все равно, объясняй ихъ или не объясняй, положеніе дѣла отъ этого не перемѣнится.

Возвратясь въ свои комнаты, я думалъ:

— Вотъ она, жизнь. Другой бы на его мѣстѣ такому случаю обрадовался, считалъ бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ и звонилъ бы о своемъ необыкновенномъ счастіи во все колокола, торжествуя побѣду. Но надъ чѣмъ же, если здраво разсудить, и какая тутъ побѣда? Однако многіе и, можно сказать, огромное большинство въ подобныхъ случаяхъ торжествуютъ, и лики ихъ сіяютъ при этомъ, «яко свѣтила». А онъ впадаетъ въ уныніе и даже халать суконный надѣлъ, что уже ясно указываетъ на болѣзненное состояніе его здоровья.

II.

По утрамъ онъ пилъ кофе, безъ сливокъ, безъ хлѣба и часто даже безъ сахару,—одина только кофе, густой и черный, какъ смола. Напитокъ этотъ подавался ему въ огромномъ кофейникѣ, который его пріятель, Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, называлъ корчагой.

Въ то время, когда Николай Николаевичъ, сидя, по обыкновению, въ мягкомъ креслѣ около своего длиннѣйшаго дивана и читая книгу, пилъ кофе, зашелъ къ нему Майковъ.

Посѣщеніе его нельзя было считать неожиданнымъ, такъ какъ время отъ времени онъ, въ особенности въ праздничные дни, заходилъ поговорить «о томъ, о семъ». Оба они имѣли хотя и не

близкое отношеніе къ нѣкоторымъ департаментамъ, оба соприкасались съ интересами повышеній, окладовъ, сверхсмѣтныхъ назначеній, разныхъ тамъ добавочныхъ, надбавочныхъ, разѣдныхъ и тому подобныхъ суммъ, къ которымъ многоразличными, болѣе или менѣе скорбными и трудными путями пробираются всякіе мелкіе и крупныя чиновники, «ихъ же имена Ты, Господи, вѣси».

Сами они, т.-е. Майковъ и Николай Николаевичъ, въ синодикѣ лицъ, виновныхъ передъ Господомъ Богомъ въ ухищренномъ способѣ добыванія казенныхъ вспомоствованій, не значились.

Войдя въ кабинетъ и привѣтственно протянувъ руку хозяину, онъ воскликнулъ:

— О—го! Въ горохѣ!..

Такъ онъ называлъ его суконный халатъ.

— Стало быть, опять тѣлесныя немощи...

— Ахъ, извините... смущенно отвѣтилъ Николай Николаевичъ:— я сейчасъ...

— Что вы! Къ чему такое дамское кокетство?..

Однако Николай Николаевичъ озабоченно и не съ свойственною ему торопливостью ушелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ помѣщался его платяной шкафъ, тоже окруженный, какъ сказано выше, книгами. Черезъ минуту онъ возвратился въ своемъ обычномъ костюмѣ, темненькомъ пиджакѣ, успѣвъ, проходя мимо зеркала, тронуть гребнемъ разъ, другой бороду, за которою, откровенно говоря, всегда ухаживалъ.

— Ну, вотъ! Охота вамъ франтить,—замѣтилъ при его возвращеніи Майковъ.

— Извините... Какое же въ этомъ франтовство!

Николай Николаевичъ, по обыкновенію, улыбнулся тихой и нѣсколько грустной улыбкой и, придвинувъ къ письменному столу кресло, предложилъ гостю сѣсть.

— Пожалуйте, Аполлонъ Николаевичъ, покорнѣйше прошу.

Онъ ухаживалъ за нимъ съ почтительною любезностью, какъ обыкновенно ухаживалъ за каждымъ своимъ гостемъ безъ различія чиновъ и положеній. Нельзя сказать, чтобы любезность его была совершенно искренняя, вытекающая изъ свойствъ характера. Этого сказать нельзя. Было въ ней нѣчто искусственное, выработанное и выработанное при томъ очень тонко, такъ что только при долгомъ многолѣтнемъ сожителствѣ съ нимъ можно было уловить, что онъ старается быть любезнымъ и каждому гостя, какъ говорится, «приласкаетъ».

Аполлонъ Николаевичъ на почтительную его любезность отвѣчалъ шутливымъ замѣчаніемъ:

— Очень вы, дорогой другъ, по-придворному...

— Извините... Какъ умѣю... Хе... хе!..

Гость взялся обѣими руками за кофейникъ и на вѣсь приблизительно опредѣлилъ, сколько еще остается въ называемой имъ корчагѣ не выпитаго кофе.

— О-о! Еще много!—проговорилъ онъ, улыбаясь.

— Не желаете ли стаканчикъ?

— Ни въ какомъ случаѣ!.. Выпита уже опредѣленная чаша дома. Но отчего это вы сегодня такъ медленно опорожливаете свою корчагу?

— Да вотъ такъ... Признаюсь, нѣсколько запоздалъ. Поздно проснулся.

Аполлонъ Николаевичъ, вдумчиво посмотрѣвъ на него, обратилъ вниманіе на то, что Страховъ, противъ обыкновенія, не только говоритъ безъ улыбки, но даже почти не говоритъ, а молча всматривается въ свои тощіе, безкровныя пальцы рукъ, которые, кстати замѣтить, всегда были у него чистенькіе, съ тщательно остриженными ногтями.

— Однако, я смотрю на васъ и дивлюсь, другъ любезный, вижу ясно, что вы, какъ говорится, не въ своей тарелкѣ.

Николай Николаевичъ съ видимымъ усиленіемъ свертывалъ въ это время папиросу и при словахъ гостя не безъ удивленія взглянулъ на него большими уже начинавшими тускнѣть глазами.

— Почему вы такъ думаете, Аполлонъ Николаевичъ?

— Потому и думаю такъ, что вижу... А я, извольте принять во вниманіе, шелъ къ вамъ съ злокозненнымъ намѣреніемъ, именно желая васъ увлечь съ собою въ одно душеспасительное мѣсто. Когда кончите кофе, можетъ быть, пойдете?

— Охъ!..

— Что вы вздыхаете? Будетъ чтеніе, и очень интересное...

Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ и отвѣтовъ о томъ, кто именно и гдѣ будетъ читать, и о чемъ, Аполлонъ Николаевичъ снова спросилъ:

— Но что съ вами? Вы такой кислый.

— Ахъ, лучше и не спрашивайте!.. Только что отъ однѣхъ бѣдъ отдѣлался, новая вваливается на плечи. Огорченіе мнѣ и, можно сказать, глупѣйшаго свойства.

— Что такое? Откуда опять?

— Ахъ, въ двухъ словахъ этого не рассказать. Помните, я почти два мѣсяца прохворалъ, лѣчился, тратился на докторовъ, потомъ брата хоронилъ...

— Но позвольте, вѣдь это уже прошлое?

— Однако, оно тѣсно связано съ настоящимъ,—оно вынудило меня войти въ долги, которые, при моемъ маленькомъ содержаніи, выплачивать затруднительно. И теперь вдругъ ко всему этому свалилась новая бѣда.

— Какая же бѣда? Говорите, пожалуйста, яснѣе...

— Представили меня въ наградѣ орденомъ Станислава первой степени! А? Какое? Утѣшили!

— Ничего не понимаю!—возразилъ Майковъ, пожавъ плечами.— Представили къ звѣздѣ, ну, и чудесно. Это въ порядкѣ вещей, такъ и быть должно. Пословица не даромъ говоритъ: «куда вода течетъ, туда и щепку несетъ».

— Позвольте. Вы дослушайте. Вѣдь за это надо будетъ выплачивать деньги...

— Помилуйте! Большія ли деньги?... Пустяки какіе нибудь...

— Да, какъ же, пустяки. Я уже справлялся, и узналъ, къ огорченію моему, что это пахнетъ почти полутораста рублями...

— Ну, вотъ видите, разумѣется, пустяки.

— Да гдѣ же, гдѣ ихъ взять?

— Съѣздите къ вашему начальнику, объяснитесь. Онъ человѣкъ предобрѣйшій. Сдѣлаетъ все, что возможно, и даже къ выщей вашей славѣ.

— «Слава, насъ учили, дымъ!» — подсказалъ Николай Николаевичъ.

— Положимъ, такъ. «И свѣтъ — судья лукавый!» — добавилъ гость,—но все-таки, какъ ни какъ, а вы будете при звѣздѣ...

— На что она мнѣ?

— Да хотя бы на то, чтобы быть приглашеннымъ къ Квинтиліану на его фиксатуары.

Фиксатуарами покойный Аполлонъ Николаевичъ называлъ въ насмѣшку журфиксы своего вельможнаго знакомаго, Квинтиліана, который приглашалъ на нихъ только особъ, имѣющихъ ордена первой степени. Вспомнивъ о немъ, онъ разказалъ, какъ этотъ самый Квинтиліанъ опредѣляетъ людскія достоинства и недостатки.

— У него, батенька,—объяснилъ онъ,—весь родъ человѣческій дѣлится на два разряда. Это не то, что у вашего любимаго Шопенгауэра. Что — Шопенгауэръ! Шопенгауэру до Квинтиліана, какъ до полярной звѣзды, далеко. У Квинтиліана дѣло просто, даже до гениальности. Онъ раздѣлилъ, я говорю, весь родъ человѣческій на два разряда. Въ одномъ — хорошіе люди, въ другомъ — нехорошіе. Хорошіе, по его опредѣленію, суть тѣ, которые его любятъ; нехорошіе — тѣ, которые его не любятъ. «Это — хоро-о-шій человѣкъ: онъ меня любитъ», отзывается онъ объ одномъ и восторженно возводитъ при этомъ очи къ небу. Но о другомъ уже не восторженно, а унылымъ тономъ и печально поникнувъ головой, говоритъ: «Нѣтъ, онъ — нехорошій человѣкъ: онъ меня не любитъ».

— Однако, у васъ язычекъ... хе-хе! — замѣтилъ улыбаясь Николай Николаевичъ.

— Да! грѣшенъ! Знаю, что грѣшенъ. При первой же исповѣди покаюсь, но и на исповѣди скажу, что говорилъ о Квинтиліанѣ правду и слово въ слово такъ, какъ онъ говорилъ самъ.

Николай Николаевичъ старался выказывать вниманіе къ его словамъ и продолжалъ улыбаться, но улыбка выходила грустная. Замѣтивъ его душевное настроеніе, Майковъ покачалъ головой.

— Э-ге! Какой вы унылый, смотрю я! Не падайте духомъ: «уныніе — смертный грѣхъ», — ободрительнымъ тономъ заговорилъ онъ, — вашъ начальникъ все устроитъ къ общему благополучію.

— Дай-то Богъ... Но сомнѣваюсь, — со вздохомъ отвѣтилъ Страховъ.

III.

Начальникъ Николая Николаевича низкорослый, съ лысиной во всю голову, когда-то весьма живой и юркій старичекъ, въ описываемое время былъ уже, по годамъ своимъ, можно сказать, въ преддверіи гроба, движенія его были медленныя, рѣчь вялая, выраженіе глазъ давнымъ давно уже утратило прежнюю живость, но, несмотря на все это, въ немъ все-таки сохранялся еще въ значительной степени интересъ и къ жизни, и къ служебнымъ дѣламъ, и къ философскимъ наукамъ, которыми онъ когда-то въ свое время тоже занимался.

Неожиданный приходъ Николая Николаевича обрадовалъ его, какъ приходъ челоуѣка, подвернувшася очень кстати и какъ разъ въ то время, когда именно въ немъ и чувствовалась надобность.

— А-а! Вотъ хорошо! — оживленно воскликнулъ старичекъ: — васъ-то мнѣ и надо!

Страховъ поклонился и не успѣлъ еще произнести перваго слова о причинахъ, которыя привели его къ нему, какъ старичекъ заговорилъ.

— Скажите, пожалуйста, вѣдь вчера была защита диссертациі Н. Н. въ университетѣ, да?

— Точно такъ.

— То-то я припоминаю, что вчера. Хотѣлъ я на ней быть, непремѣнно хотѣлъ быть и прозѣвалъ. Рѣшительно не понимаю, какъ это случилось. Жаль и досадно! Ужасно досадно!.. Вы были, конечно? Само собою разумѣется, были. Въ этомъ я нимало не сомнѣваюсь, вы должны были непремѣнно быть. Ну-съ, скажите мнѣ, что же онъ такое тамъ говорилъ? О чемъ была рѣчь? Если не ошибаюсь, кажется, что-то такое о Кантѣ. Да? То-то, я припоминаю, что о Кантѣ. Ну-съ, въ чемъ же дѣло? Рассказывайте, рассказывайте.

Страховъ нѣсколько смутился такимъ неожиданнымъ поворотомъ дѣла. Онъ предполагалъ ходатайствовать объ облегченіи его матеріальнаго положенія, отягощеннаго обстоятельствами, вызванными волею начальства, а тутъ вдругъ пришлось натолкнуться на философію. Справившись съ своимъ смущеніемъ, онъ отвѣтилъ:

— Диссертація имѣла предметомъ время, пространство и причинность.

— Такъ, такъ. Припоминаю. Ну-ка, рассказывайте.

Онъ сталъ рассказывать. Сначала говорилъ нѣсколько робко и вяло, откашливался, припоминалъ слова, замѣняя одни другими, но потомъ разошелся и сталъ говорить свободно и твердымъ, увѣреннымъ тономъ. Говорилъ онъ довольно долго. Старичекъ сидѣлъ въ креслѣ, задумчиво склонивъ голову нѣсколько на бокъ, и слушалъ, перебирая почему-то пальцами рукъ, точно пересчитывая, всѣ ли они у него налицо. Страховъ говорилъ, стоя предъ его кресломъ, и, не будучи приглашеннымъ сѣсть, не рѣшался на это, хотя уже чувствовалъ усталость въ ногахъ. Старичекъ наконецъ спохватился и молча показалъ ему рукой на кресло.

Осторожно опустившись на край кресла, Николай Николаевичъ продолжалъ рассказывать о содержаніи диссертаціи.

— Мы не можемъ,—говорилъ онъ,—представить себѣ небезсознательное состояніе иначе, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что оно есть въ то же время и познающее, что оно есть въ то же время такое, которое заключаетъ въ себѣ основную форму всякаго познанаія, т.-е. распаденіе на субъектъ и объектъ.

— Мудрено!—возразилъ старичекъ.

Николай Николаевичъ по свойственной ему скромности смутился.

— Я, можетъ быть, не достаточно ясно излагаю...

— О, нѣтъ! говорите, говорите. По-моему, это такой предметъ, который, какъ ясно ни излагай, все будетъ путаница... Продолжайте. Надо же дослушать...

И когда онъ, вообще не отличавшійся краснорѣчіемъ, запнулся на какой-то фразѣ и замедлил рѣчь, старичекъ тревожно завертѣлся въ креслѣ и закашлялъ, видимо теряя терпѣніе.

— Та-а-къ! Такъ!—поспѣшно возразилъ начальникъ и вздохнувъ добавилъ:—«темна вода во облацѣхъ». Чѣмъ дольше живешь на свѣтѣ, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что все это умствованіе уподобляется переливанію, какъ говорится, изъ пустого въ порожнее.

— О, да. Возможенъ и такой выводъ. Весь вопросъ въ томъ, какъ смотрѣть на предметъ, то есть-какою мѣрою измѣрять знаніе науки.

Старичекъ помолчалъ нѣсколько времени, думая о чемъ-то другомъ и, повидимому, потерявъ нить разговора, спросилъ:

— Въ чемъ же дѣло?

— То-есть, у автора диссертаціи?

— Нѣтъ, нѣтъ! Богъ съ нимъ. Я—о другомъ. Я о томъ хочу спросить, какая же, собственно причинность, говоря философскимъ языкомъ, хе, хе...—улыбаясь, продолжалъ онъ,—и въ какой законѣнности, хе, хе, обуславливаетъ вашъ приходъ ко мнѣ?

— Да, да,—спохватился Николай Николаевичъ,—я къ вамъ по весьма важному дѣлу, то-есть важному лично для меня.

— Что такое?

— Да вотъ, такъ и такъ... Извините, что беспокою. Дѣло въ томъ, что я, какъ вамъ, конечно, извѣстно, награжденъ орденомъ первой степени...

— Знаю, знаю... Что жъ,—по заслугамъ награда, по заслугамъ!.. Я очень радъ, очень... Стало быть, вы пришли ко мнѣ благодарить? Чудесно! Чудесно!.. Вы—достойный человекъ и трудолюбивый, и свѣдущій.. Знаю, очень хорошо знаю...

— Но, ваше — ство... я хотѣлъ бы...

— А-а!—перебилъ старичекъ,—понимаю, понимаю! Вы желаете получить возможность представиться туда, въ высшія сферы, и лично выразить чувства? Превосходно! Одобрю, одобрю!.. Что жъ, конечно, пріятно. Для этого не встрѣтится затрудненій. Можно устроить, можно. Вообще, это даже вошло до нѣкоторой степени, какъ будто, въ обычай... Конечно, прежде это было, можно сказать, въ рѣдкость, а теперь въ наши дни каждый или почти каждый изъ получающихъ орденъ первой степени ищетъ случая представиться. И это, само собою разумѣется, весьма понятно;—всякому лестно.

— Но я имѣю честь доложить вамъ... — возразилъ Николай Николаевичъ, уловивъ удобную минуту.

— Никакихъ «но» не нужно,—перебилъ старичекъ: — все сдѣлается легко и въ довольно скоромъ времени. Положитесь на меня, я снесусь черезъ канцелярію...

IV.

Наконецъ таки Николаю Николаевичу удалось высказать старичку, что онъ ходатайствуетъ совѣмъ о другомъ, совершенно противоположномъ ихъ разговору. Старичекъ смутился и какъ-то вдругъ точно завялъ.

— М-мъ... задумчиво промычалъ онъ, смотря на него испытующимъ взглядомъ, — извините, я ничего не понимаю.

Николай Николаевичъ сталъ повторять то, о чемъ уже съ достаточною, по его мнѣнію, ясностію рассказалъ ранѣе. Старичекъ упорно смотрѣлъ не него, не произнося ни слова, и чѣмъ яснѣе излагалъ онъ свою просьбу, тѣмъ запутаннѣе казалась она его начальнику.

— Что такое? Что такое?—прошепталъ онъ, взявшись обѣими руками за голову, точно чувствуя головокруженіе.

— Я бы, ваше — ство, ни въ какомъ случаѣ не позволилъ себѣ утруждать васъ, если бы мои обстоятельства не сложились, къ сожалѣнію, такъ ужасно.

— Обстоятельства, обстоятельства?.. Что такое — обстоятельства! — уже почти ворчливо возразилъ старичекъ: — васъ удостоиваютъ такой высокой чести, а вы впадаете въ уныніе. Подумайте, статочное ли это дѣло!

— Честь, конечно, ваше — ство, большая, и я, само собою разумѣется, не могу не чувствовать благодарности за высокое вниманіе... Вообще весьма цѣню и сердечно тронуть... Но, простите великодушно, мнѣ не по средствамъ, я не имѣю возможности уплатить тѣхъ денегъ, которыя съ меня за эту награду потребуются, хотя бы даже и ежемѣсячными вычетами изъ получаемаго по службѣ оклада. Прошу васъ покорнѣйше принять это во вниманіе и освободить...

Старичекъ пожалъ плечами.

— Странно. Весьма странно... Гм... гм... Освободить отъ награды... Ха, ха! Какъ это возможно, — утвержденеіе уже состоялось!.. И вообще это не мыслимо ни въ какомъ случаѣ, даже если бы еще и не состоялось утвержденеія. Разъ представленіе сдѣлано, то уже нѣтъ возврата, тѣмъ болѣе теперь...

— Я, ваше—ство, конечно, понимаю, что возврата не можетъ быть, и ходатайствую собственно въ томъ смыслѣ, что для меня весьма тягостенъ взносъ тѣхъ денегъ, которыя я долженъ буду уплатить...

— А—а!.. Вотъ какая задача! Понимаю, теперь понимаю, — задумчиво протянулъ старичекъ и даже закрылъ глаза.

Прошла минута тягостнаго молчанія. Страховъ не осмѣливался повторять своей просьбы, такъ какъ сознавалъ, что и безъ того уже не позволительно долго утруждалъ начальника, а начальникъ былъ очевидно занятъ думами о томъ, какъ можетъ иногда запутаться самое простое дѣло.

— Знаете—что! — оживленно проговорилъ онъ, точно обрадовавшись счастливой мысли: — вы сдѣлайте вотъ какой ходъ: обратитесь къ моему помощнику...

— То-есть... за чѣмъ же?

— Да вотъ съ этимъ вашимъ ходатайствомъ и обратитесь. Онъ можетъ вамъ дѣло устроить. О, онъ человѣкъ вліятельный!

Старичекъ при этихъ словахъ многозначительно поднялъ указательный перстъ.

— Но позвольте: — возразилъ Николай Николаевичъ, — онъ же вашъ подчиненный, и его вліаніе въ такомъ случаѣ на кого же должно быть обращено?..

— М... м... да, оно конечно... да, да... Я совсѣмъ о другомъ думаю... Во всякомъ случаѣ, надо все-таки съ нимъ посоветоваться. Онъ вообще очень вліятельный человѣкъ. Непремѣнно надо.

Старичекъ посмотрѣлъ на карманные часы, потомъ, положивъ ихъ на свое мѣсто, перевелъ взглядъ на подзеркальный столикъ,

на которомъ стояли подъ стекляннѣмъ колпакомъ фигурные бронзовые часы.

— Отстають... На пять минутъ отстають со вчерашняго дня... Ахъ, да!.. О чемъ, бишь, я хотѣлъ вамъ сказать? Да, вспомнилъ: о помощникѣ моемъ. Съ нимъ непремѣнно нужно объясниться. Онъ скоро долженъ быть.

V.

При этихъ словахъ дверь тихо пріотворилась, и служебный помощникъ старичка вошелъ къ нему въ кабинетъ. Онъ былъ большерослый, сутуловатый, съ рыжими бакенбардами, въ вицмундирѣ, съ орденомъ на шеѣ и съ большимъ туго набитымъ бумагами портфелемъ, который онъ не только держалъ подъ лѣвой рукой, но и придерживалъ его тамъ правой.

Подобострастно поздоровавшись со старичкомъ, помощникъ положилъ портфель на его письменный столъ. Отвѣтивъ потомъ молчаливымъ поклономъ на поклонъ Страхова, онъ вопросительно посмотрѣлъ на своего начальника: этотъ, молъ, по какому дѣлу осмѣливается васъ утруждать?

— Вотъ, Захарій Захаріевичъ, какая сложная исторія,—заговорилъ старичекъ, указывая рукой на Страхова.

— Въ чемъ исторія?

— Да вотъ представили мы его къ Станиславу первой степени...

— Да, да. Представленіе утверждено. Утверждено,—повторилъ онъ, взглянувъ на Николая Николаевича и какъ бы желая его этими словами успокоить.—Вчера получены бумаги. Утвержденіе состоялось.

— Да вѣдь вотъ, поймите вы, не доволенъ онъ!—сказалъ старичекъ.

— Какъ не доволенъ?.. Нельзя же представлять къ Аннѣ, минуя Станислава. Нельзя, нельзя! Порядокъ!—внушительно проговорилъ онъ, обращаясь къ Страхову.—На-дняхъ еще былъ циркуляръ по подобному обстоятельству, и прежде не разъ бывали разъяснительные циркуляры въ этомъ смыслѣ.

— Да онъ бы и Анной не удовольствовался,—замѣтилъ старичекъ и засмѣялся:—никакая Анна ему теперь... хе, хе... не по годамъ и притомъ даже не по карману... Хе, хе!.. Анна вѣдь еще дороже Станислава. За этотъ орденъ, насколько помню, кажется, причитается уплата еще бѣльшая.

— Да! да!—утвердительно подсказалъ помощникъ:—на тридцать рублей болѣе.

Когда объяснилось наконецъ, въ чемъ заключается недовольство, и въ чемъ его просьба, помощникъ старичка не медля далъ на нее опредѣленный отвѣтъ.

— Это дѣло пустое! Только я долженъ вамъ сказать, что оно не въ нашемъ вѣдомствѣ. Вамъ по этому случаю лучше всего обратиться къ Онуфрію Онуфріевичу. Онъ собственно властью разрѣшить.

— Вотъ, вотъ!—подсказалъ старичекъ:—именно къ Онуфрію Онуфріевичу, онъ можетъ собственно властію разрѣшить.

— Но, ваше—ство,—обратился Николай Николаевичъ, смотря на старичка взглядомъ, полнымъ тоски:—ужели для васъ затруднительно распорядиться такой суммой?... Если возможно, покорнѣйше прошу... чтобы, то-есть, мнѣ не утруждать Онуфрія Онуфріевича.

Старичекъ взглянулъ на помощника; помощникъ не только понялъ этотъ взглядъ, но даже зналъ заранѣе о томъ, что онъ непременно будетъ къ нему обращенъ, и тотчасъ же далъ на него опредѣленный отвѣтъ.

— Сумма, конечно, небольшая,—проговорилъ онъ, почтительно склоняя голову:—случись это въ началѣ года, тогда бы и разговоръ никакихъ изъ-за подобнаго вопроса не возникло, теперь же, въ концѣ года, когда всѣ смѣтныя назначенія уже израсходованы, весьма затруднительно что либо придумать по этому дѣлу.

— Вотъ видите,—подсказалъ старичекъ,—я вамъ говорю, что нельзя. Самое лучшее, разумѣется, обратиться къ Онуфрію Онуфріевичу. Онъ же кстати, насколько мнѣ извѣстно, не только вамъ лично знакомъ, но даже вашъ пріятель.

— Помилуйте! Могу ли я быть пріятелемъ такого большого лица?—улыбаясь отвѣтилъ Николай Николаевичъ.—Учились мы съ нимъ вмѣстѣ,—это вѣрно, но съ той поры прошли десятки лѣтъ, почти полстолѣтія. Онуфрія Онуфріевича я выдаю иногда случайно, но если и бываю у него, то все-таки не смѣю его беспокоить: онъ такъ высоко поставленъ.

— Это не помѣха. Идите къ нему,—сказалъ старичекъ,—кстати отъ меня поклонъ передайте! Онуфрій Онуфріевичъ большой человекъ! И по росту своему, и по положенію онъ весьма большой человекъ. Только, пожалуйста, будьте осторожны, и предварительно свиданія съ нимъ никому о вашемъ дѣлѣ не говорите. Избави Богъ, переврутъ и нагородятъ по этому случаю всякаго вздору. Сплетенъ тамъ у нихъ много, даже больше, чѣмъ у насъ въ департаментѣ!..

Собравшись итти къ Онуфрію Онуфріевичу, Николай Николаевичъ зашелъ въ мою половину квартиры. Онъ былъ во фракѣ и въ бѣломъ жилетѣ. Но фракъ его и бѣлый жилетъ и тщательно расчесанная, длинная, сѣдая борода не придавали его фигурѣ щеголеватости: фракъ былъ мѣшковатъ, жилетъ какъ-то странно то-

порцился и сползалъ въ бокъ. Ничего этого, конечно, не замѣчая, онъ держался бодро и нѣсколько даже откинулъ голову назадъ, какъ бы въ сознаніи своего величія, что вовсе не соотвѣтствовало его обычной манерѣ держаться. Поздоровавшись съ ласковою, какъ всегда, улыбкой, онъ спросилъ:

— Какъ вы находите, достаточно ли великолѣпно я выфрантился?

Не успѣлъ я сдѣлать вопроса о причинѣ такого его наряда, какъ онъ сказалъ:

— Великолѣпнѣе этого не могу себя принарядить.

— Но для чего? По какому случаю?..

— Ахъ!..

Онъ махнулъ рукой, и по его блѣдному лицу скользнуло грустное выраженіе.

— Ударился я, надо сознаться, въ хожденіе по пріемнымъ сильнымъ міра сего. Да, да! И самъ себя не одобряю... и не итти не могу...

— Но почему же такое въ васъ раздвоеніе и разладъ съ самимъ собой?

— Да вотъ, какъ хотите, судите. Все отъ Аполлона Николаевича; онъ настаиваетъ, и я боюсь не послушаться его, пожалуй, и обидится... Да и начальникъ мой тоже... Я вамъ рассказывалъ, какой онъ... Да, да! Чего добраго, онъ, пожалуй, выразить неудовольствіе. Скажетъ: совѣтъ вамъ былъ данъ дружескій отъ чистаго, скажетъ, сердца, а вы имъ пренебрегли... Вотъ въ какую попалъ я передрагу. Да, да!.. Вообще трудно ладить съ людьми...

— Махните рукой на все—и только...

Николай Николаевичъ задумчиво посмотрѣлъ на меня и вздохнулъ.

— Хорошо вамъ говорить такъ...

— Почему же вамъ такъ не говорить?..

— Да, да!.. Почему? Потому что мнѣ нельзя. О, я знаю васъ, вы—человѣкъ бойкій...

Онъ погрозилъ мнѣ пальцемъ, улыбнулся и прощаясь сказалъ:

— Что будетъ, то будетъ, а я все-таки пойду къ Онуфрію Онуфріевичу. Исполню, такъ сказать, долгъ дружбы...

Считаю, однако, необходимымъ замѣтить, что какъ о разговорахъ Страхова съ своимъ начальникомъ и его помощникомъ, такъ и о послѣдующихъ его сношеніяхъ съ другими лицами по дѣлу о неожиданно полученной наградѣ, я передаю хотя и на основаніи тѣхъ свѣдѣній, какія у меня сохранились объ нихъ изъ рассказовъ покойнаго Николая Николаевича, но, само собою разумѣется, передаю не съ буквальною точностью, а только по воспоминаніямъ, заботясь всего болѣе о томъ, чтобы сохранить по возможности характерныя стороны разговора, обрисовывающаго душевныя

свойства описываемыхъ лицъ и, главнымъ образомъ, самого Николая Николаевича.

Извините—еще одно замѣчаніе. Я не называю дѣйствительныхъ именъ Квинтиліана, Онуфрія Онуфріевича и его подчиненныхъ помощниковъ. Положимъ, нѣтъ уже на свѣтѣ тѣхъ лицъ, которыя подъ этими фамиліями скрыты, и можно бы говорить о нихъ болѣе откровенно, но въ этомъ не вижу надобности, тѣмъ болѣе потому, что въ ходѣ разсказа они не занимаютъ первенствующаго мѣста, а служатъ до нѣкоторой степени только фономъ картины.

Итакъ, оговорившись и оградивъ себя отъ возможныхъ нареканій, продолжаю «ничто же сумняся».

VI.

Письменный столъ въ кабинетѣ Онуфрія Онуфріевича былъ заваленъ бумагами до того, что самъ онъ, высокій, широкоплечій и тучный старикъ, умалаялся за ихъ грудями чуть не до полного исчезновенія, только и было видно изъ-за нихъ одну его голову, большую сѣдovласую, съ начавшейся уже обнаруживаться на ея темени лысиной.

Когда посѣтилъ его Страховъ, бывший, какъ сказано, товарищъ его, по учебному заведенію, онъ отъ удивленія развелъ даже руками и громко воскликнулъ:

— Царь небесный! Вотъ обрадовалъ. Спасибо!

— Извините... ваше—ство... что я...

— Позволь, позволь,—возразилъ Онуфрій Онуфріевичъ:—какое тамъ «ство», называй просто по имени. Ты—старый другъ. Что это, сколько времени ты у меня не былъ! Признаюсь, я уже намѣревался тебя вызвать официально... Ха... ха...

— Да я... Извините... Я стѣснялся беспокоить. Такое высокое положеніе теперь вы изволите занимать...

— Ну, ну, будетъ, перестань. Я все тотъ же, и положеніе тутъ не причемъ... Я тебя приглашалъ обѣдать по вторникашъ. Отчего ты уже три вторника пропустилъ?

— Мнѣ, признаюсь, нездоровилось.

— А-а! Однако Аполлонъ Николаевичъ мнѣ ничего объ этомъ не сказалъ. Теперь какъ себя чувствуешь?

— Покорно благодарю, теперь лучше.

— Ну, поцѣлуемся.

Они троекратно поцѣловались.

— Садись, гость будешь...

— Можетъ быть, я не въ удобный часъ?..

— Все равно. Всѣ часы одинаковы: всѣ удобны и всѣ не удобны.

— То-есть, какъ же это?

— Да такъ, смотря по человѣку. Для тебя, напримѣръ, всегда найдется время.

— За это покорно благодарю.

Увидѣвъ на письменномъ столѣ груды бумагъ, Страховъ задумчиво покачалъ головой.

— Какая масса дѣлъ!—сказалъ онъ.

— Ты, другъ, не вѣрно выравился: не дѣлъ масса, а бумагъ. Дѣла страница, а переписки о немъ—сотня.

— Но если и по одной страницѣ содержанія въ каждомъ дѣлѣ, то и такихъ насчитается тутъ множество.

— Хотя бы и такъ,—отвѣтилъ Онуфрій Онуфріевичъ:—я вѣдь не одинъ работаю, у меня есть комитетъ, онъ разсматриваетъ, обсуждаетъ, подготовляетъ предварительныя рѣшенія, и если при этомъ возникаетъ между членами комитета разногласіе, тогда они раздѣляются на голоса и составляютъ двѣ партіи. Мнѣ остается только согласиться съ мнѣніемъ большинства или меньшинства. Я всего чаще соглашаюсь съ меньшинствомъ.

— Какъ такъ?

— Ха, ха!—засмѣялся Онуфрій Онуфріевичъ:—ты полагаешь, что большинство должно имѣть рѣшающее значеніе?

— М... м... не то, чтобы полагалъ.... а вообще, насколько я понимаю, такъ, кажется, принято.

— А я тебѣ скажу, другъ мой, по пословицѣ, что при обсужденіи дѣлъ одинъ голосъ—хорошо, два—хуже, три—еще хуже, а десять—совсѣмъ скверно. Что такое большинство? Да мнѣніе одного мудраго дороже мнѣнія тысячи невѣждъ. Не сегодня сказано: «гдѣ много народу, тамъ много и дряни, хотя бы всѣ они были звѣздоносцы». Такъ вотъ какъ, другъ. Чаще всего приходится соглашаться съ меньшинствомъ, и именно потому, что умныхъ людей всегда и вездѣ меньше, а честныхъ и безкорыстныхъ—еще меньше, ихъ въ наше время можно даже показывать, какъ рѣдкость. Но соловья баснями не кормятъ!—заклучилъ Онуфрій Онуфріевичъ и круто перемѣнилъ разговоръ.

— Говори, другъ, въ чемъ же дѣло.

Николай Николаевичъ даже растерялся.

— То-есть, какъ это? Мнѣ не ясенъ вопросъ.

— Я спрашиваю, въ чемъ суть твоего дѣла. Вѣдь если ты пришелъ ко мнѣ, и послѣ такого долгаго отсутствія, то несомнѣнно имѣешь какую нибудь просьбу. Ко мнѣ иначе не обращаются. Я уже привыкъ къ этому. Ха, ха! Ты извини, я люблю разговоръ на чистоту. Прежде и самое главное—дѣло, а потомъ поговоримъ, такъ сказать, по душѣ. Ну, говори, другъ, какое дѣло, чѣмъ нездоровъ, о чемъ ходатайствовать хочешь?..

Страховъ нѣсколько смутился при этихъ словахъ и хотѣлъ сказать что-то въ свое оправданіе, но Онуфрій Онуфріевичъ перебилъ его рѣчь.

— Знаю, знаю! Не о тебѣ разговоръ. У кого что болитъ... Я говорю о томъ, что у меня вообще дѣла много, а заняться имъ не даютъ. Повѣришь ли, большая часть служебнаго времени и не только добрая половина его, а, пожалуй, три четверти тратится вовсе не на дѣло, а чортъ знаетъ на что. Нужно быть и тамъ, и тутъ, и у пятаго, и у десятаго, одного встрѣтить, другого проводить, и со всѣми улаживать благопріятныя отношенія.

Дверь въ кабинетъ беззвучно отворилась, и вошелъ департаментскій курьеръ, чисто выбритый старикъ съ военной выправкой. Притворивъ за собою дверь и сдѣлавъ одинъ только шагъ впередъ, онъ остановился, вытянулъ руки по швамъ и доложилъ, отчетливо произнося каждое слово.

— Ихъ высокородія, господинъ Циркуляровъ и господинъ Законниковъ.

— Хорошо. Пусть подождутъ,—небрежно отвѣтилъ Онуфрій Онуфріевичъ, не взглянувъ даже на курьера.

— Это—свой!—успокоительнымъ тономъ замѣтилъ онъ, когда дверь за курьеромъ затворилась, и продолжалъ разговоръ, очевидно, интересовавшій его самого болѣе, чѣмъ гостя.

— А прожектеры? искатели мѣстъ?—возвысивъ голосъ, заговорилъ онъ, — а старушки, разныя тетушки, бабушки, сердобольныя мамашы?!.. Отъ нихъ скрываться приходится подъ семью замками. Былъ на-дняхъ вечеромъ у Квинтиліана. Ты, конечно, его знаешь. Кто не знаетъ Квинтиліана, слава о немъ распространяется по всему міру и даже въ преисподнихъ земли, гдѣ грѣшники кипятъ въ адскомъ пламени, и имъ онъ можетъ по званію своему (онъ, вѣдь, знаешь, имѣетъ нѣкоторое почетное положеніе при Гробѣ Господнемъ) и по молитвамъ можетъ оказать своимъ предстательствомъ содѣйствіе въ высшихъ, то-есть, понимаешь, въ небесныхъ сферахъ... ха!.. ха!.. Ну, вотъ, представь, и въ его апартаментахъ мнѣ покоя не дали. Только что я присѣлъ въ уголокъ со стаканомъ чая, намѣренно даже подальше отъ другихъ, смотрю, ко мнѣ пробирается какая-то старушка. Вглядываюсь,—преподозрительная старушка, и издали уже, не дойдя еще до меня шаговъ на десять, начинаетъ кланяться и губки въ комочекъ сморщила. Догадываюсь, что коварный другъ, Квинтиліанъ, по чувству христіанскаго человѣколюбія, обрекъ меня на жертву. Нѣ-ѣ-тъ, думаю, шалишь, старушка! Я сейчасъ же маршъ въ билліардную. Ну, думаю, если старушка туда придетъ,—я ее кіемъ... ха! ха! ха!..

VII.

Онъ засмѣялся, и его громкій хохотъ звучно раскатился по всей комнатѣ и загудѣлъ вверху на высокомъ лѣпномъ потолкѣ. Смѣялся онъ, какъ Кетчеръ, о смѣхѣ котораго упоминаютъ многіе

современные ему писатели. Поэтъ Алмазовъ, перечисляя необыкновенныя впечатлѣнія въ своей жизни, между прочимъ, говоритъ въ одномъ стихотвореніи: «И слышалъ я Кетчера хохоть». О хохотѣ Онуфрія Онуфріевича вполнѣдствіи, вѣроятно, тоже будетъ сказано, какъ о необычайномъ явленіи. О голосѣ его вообще подобныя отзывы уже существовали и даже съ весьма давняго времени. Такъ, напримѣръ, когда онъ былъ преподавателемъ въ нѣкоторомъ учебномъ заведеніи, сослуживцы посылали изъ сосѣднихъ классовъ записочки къ нему въ классъ съ покорнѣйшей просьбой понизить тонъ голоса и дать имъ возможность читать свои лекціи, и злобно при этомъ отзывались о его голосѣ, котораго будто бы даже «лошади пугаются».

— Такъ вотъ, дружище, каково положеніе!—проговорилъ Онуфрій Онуфріевичъ послѣ хохота.

— Надѣюсь, все сказанное не относится ко мнѣ?— улыбаясь спросилъ Николай Николаевичъ.

— Конечно, нѣтъ. Тебя-то я, слава Богу, знаю лучше, чѣмъ ты самъ себя знаешь. Но, однако, къ дѣлу. Говори, въ чемъ твоя просьба. Ходатайствуешь за когонибудь?

— Ходатайствую—это справедливо, но не за когонибудь, а самъ за себя.

— Странно! Это на тебя не похоже. Ну, рассказывай, чѣмъ болѣешь. Я вылѣчу, я докторъ свѣдущій. Помогу, конечно, заранѣе говорю и съ полной увѣренностію, что помогу.

— Спасибо, и еще разъ, и много разъ спасибо.

Страховъ сталъ объяснять, въ чемъ заключается его просьба, но не успѣлъ проговорить первыхъ вступительныхъ словъ, какъ Онуфрій Онуфріевичъ прервалъ его.

— Вотъ что, другъ,—сказалъ онъ, озабоченно взглянувъ на часы:—дай ты мнѣ возможность предварительно покончить дѣло съ моими чиновниками,—слышалъ, тамъ двое ожидаютъ, а потомъ мы съ тобой поговоримъ всласть, вспомнимъ нашу молодость, невозвратно канувшую въ вѣчность, вспомнимъ многое, многое прошлое, вообще по душѣ побесѣдуемъ. Подожди, другъ.

— Конечно, я могу подождать...

— И превосходно. Ты пока побудь въ сосѣдней комнатѣ, я ихъ скоро отпущу.

Николай Николаевичъ вышелъ изъ кабинета въ пріемную комнату, въ которой ихъ высокородія, господы Циркуляровъ и Законниковъ, давно уже томилась ожиданіемъ, шагая по комнатѣ изъ угла въ уголъ съ портфелями въ рукахъ и уныло посматривая на затворенныя двери кабинета. Какъ только двери отворились, и скромная фигура согбеннаго старца, каковымъ былъ въ описываемое время Николай Николаевичъ, показалась въ нихъ, такъ оба они одновременно встрепенулись, потомъ съежились какъ-то, не то стор-

билась, не то ростомъ стали ниже, и пошли гуськомъ одинъ за однимъ въ кабинетъ, придерживая въ рукахъ свои портфели. Николай Николаевичъ замѣтилъ, какъ фалдочки на випмундирахъ ихъ высокородій, исчезая за дверями кабинета, вздрагивали, обнаруживая ихъ «чиновный трепеть». Свѣтъ стѣнныхъ лампъ, ярко разливавшійся по всей пріемной, блеснулъ на пуговицахъ фалдочекъ второго высокородія, шедшаго позади перваго,—и дверь въ кабинетъ затворилась.

Николай Николаевичъ сѣлъ въ кресло, задумчиво оглянулъ комнату, потолоки которой тоже были разукрашены лѣпной работой, оглянулъ стѣны, зеркала, широкія окна и отдался воспоминаніямъ того далекаго прошлаго, на которое намекнулъ ему Онуфрій Онуфріевичъ, и о которомъ онъ намѣревался побесѣдовать съ нимъ «по душѣ».

VIII.

Прошла минута, другая, прошло, можетъ быть, пять, шесть, много—десять, какъ тишина, царившая въ пріемной, нарушилась звукомъ электрическаго звонка, глухо донесшимся откуда-то снизу. Вслѣдъ за этимъ звукомъ раздался другой, уже болѣе ясный; первый, очевидно, донесся отъ подъѣзда нижняго этажа, второй изъ передней отъ швейцара на площадку бельэтажа, гдѣ около дверей пріемной дежурили два курьера. Тотчасъ же вслѣдъ за вторымъ звонкомъ началось торопливое движеніе по коврамъ лѣстницы снизу вверхъ и сверху внизъ. Пробѣжалъ курьеръ вверхъ, потомъ внизъ, потомъ опять вверхъ и о чемъ-то шепотомъ передалъ другому курьеру, тому самому старику съ военной выправкой, который докладывалъ Онуфрію Онуфріевичу о приходѣ ихъ высокородій, господъ Циркулярова и Законникова. Старикъ, выслушавъ курьера, торопливо оправилъ полы кафтана, приободрился и прошагалъ къ дверямъ кабинета. Не спѣша и съ видимой осторожностію онъ отворилъ ихъ, и потомъ слышно было, какъ Онуфрій Онуфріевичъ возвысилъ голосъ, завидѣвъ его входящимъ въ кабинетъ.

— Это еще что такое!—донеслось до слуха Николая Николаевича:—я же тебѣ говорилъ, чтобы никого не принимать...

Но потомъ, къ великому его изумленію, произошла кака-то необыкновенная перемѣна во всемъ, имъ видѣнномъ. Старикъ съ военной выправкой вышелъ изъ кабинета сгорбленный, съ угрюмымъ выраженіемъ лица, ихъ высокородія, господа Циркуляровъ и Законниковъ, оказались безъ портфелей и прошли изъ кабинета скорыми шагами куда-то въ боковую дверь, куда, повидимому, имъ и дороги никогда до сихъ поръ не было. Самъ Онуфрій Онуфріевичъ, можно сказать, не вышелъ, а вылетѣлъ изъ кабинета и быстрыми шагами направился къ дверямъ пріемной комнаты, на ходу оправляя на себѣ платье. Это былъ, повидимому,

совсѣмъ не Онуфрій Онуфріевичъ, смѣлый, самоувѣренный орелъ, а другой какой-то человѣкъ, вовсе незнакомый Страхову. Словомъ—произошла, какъ въ театрѣ, общая пережѣна декораціи, и началось дѣйствіе изъ другой оперы, при новой обстановкѣ и совсѣмъ не съ тѣми дѣйствующими лицами, которыя были въ предыдущемъ актѣ.

Проходя черезъ пріемную, по направленію къ парадной лѣстницѣ, видимо, на встрѣчу какого-то гостя, большого, полагать надо, по своему служебному либо общественному положенію, Онуфрій Онуфріевичъ успѣлъ только сказать Николаю Николаевичу нѣсколько словъ.

— Пройди, голубчикъ, въ кабинетъ,—наскоро бросилъ онъ:— и тамъ подожди, пожалуйста, подожди, я скоро освобожусь.

По коврамъ лѣстницы въ это время поднималась, поддерживаемая съ обѣихъ сторонъ подъ руки, какая-то особа женскаго пола, должно быть, судя по всѣмъ признакамъ, птица весьма высокогаго полета. По цвѣту одеждъ и по величественно скромной осанкѣ своей, она напоминала игуменью такого монастыря, который пользуется покровительствомъ знатныхъ особъ, имѣетъ банковые билеты въ значительномъ количествѣ и крѣпкія кладовыя съ запасами всякаго добра на многіе годы. Но это была не игуменья, а нѣчто неизмѣримо выше ея стоящее на ступеняхъ той лѣстницы, которую люди сами себѣ построили, и, несомнѣнно, для того, чтобы увеличить свои земныя страданія и взаимную зависть.

IX.

Пока она поднималась на площадку второго этажа, Онуфрій Онуфріевичъ успѣлъ сбѣжать къ ней навстрѣчу, раскланялся съ необыкновенною почтительностію и поддержалъ ея особу подъ локоть лѣвой руки въ то время, когда она дѣлала послѣдніе шаги по лѣстницѣ.

— Устаю... Не высоко у васъ, а устаю!—слабымъ голосомъ проговорила она.

— Не угодно ли пока здѣсь отдохнуть,—предложилъ Онуфрій Онуфріевичъ, показывая обѣими руками на кресла въ пріемной.

— Ахъ, все равно...

Глубоко вздохнувъ, гостя опустила въ кресло и закрыла глаза, закрыла она ихъ, можетъ быть, и дѣйствительно по причинѣ усталости, хотя ей пришлось подняться всего на двадцать ступенекъ, а, можетъ быть, такъ слѣдовало по правиламъ того общественнаго круга, къ которому она принадлежала.

Онуфрій Онуфріевичъ почтительно присѣлъ рядомъ съ ея кресломъ и молча ждалъ, когда она откроетъ глаза.

— Ужъ!—проговорила она, наконецъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго молчанія и, открывъ глаза, вопросительно огля-

нула комнату, какъ бы желая удостовѣриться, что никого изъ постороннихъ въ ней нѣтъ.

Онуфрій Онуфріевичъ тоже посмотрѣлъ направо и налево, хотя ему и безъ того было ясно, что комната пуста.

— Я къ вамъ... навѣрно догадываетесь... по тому очень хорошо извѣстному вамъ дѣлу,—проговорила она, сверкнувъ на Онуфрія Онуфріевича недружелюбнымъ взглядомъ.

Онуфрій Онуфріевичъ опять оглянулъ приемную и озабоченно предложилъ гостѣ пройти въ сосѣднюю комнату, болѣе удобную для «задушевной бесѣды».

— Почему не въ кабинетъ? — не безъ изумленія спросила гостья.

— Въ кабинетъ?—озабоченно переспросилъ Онуфрій Онуфріевичъ и вспомнивъ, что тамъ сидитъ Николай Николаевичъ, поспѣшно добавилъ, ухватившись за счастливую мысль, кстатн под-вернувшуюся подъ руку: — въ кабинетѣ у меня большой без-порядокъ.

— Это все равно,—возразила гостья.

— Но тамъ... ремонтъ: лѣпная работа съ потолковъ грозитъ паденіемъ.

— Ахъ! — воскликнула гостья: — я не хочу въ кабинетъ, не хочу...

Страховъ слышалъ, какъ она ахнула, испуганная словами Онуфрія Онуфріевича.

— Такая... жизнелюбивая! — рассказывалъ онъ потомъ, покачивая головой и улыбаясь своей обычной тихой улыбкой.

Гостья поднялась съ кресла и пошла по указанному Онуфріемъ Онуфріевичемъ пути съ такимъ величіемъ, съ какимъ актрисы Александринскаго театра ходятъ по сценѣ, изображая особъ высококаго общественнаго положенія.

И дѣйствительно она была изъ такихъ особъ и называлась даже «сіятельствомъ». Конечно, одного «сіятельства» не достаточно для «высокаго полета». Несомнѣнно, было въ ней, или, вѣрнѣе сказать, въ томъ положеніи, какое она занимала въ обществѣ, еще нѣчто такое, что придавало ей большое значеніе. Это, несомнѣнно, было. Не даромъ же Онуфрій Онуфріевичъ относился къ ней съ такимъ уваженіемъ, хотя, можетъ быть, и не достаточно искреннимъ. Дѣло не въ томъ, искренно или нѣтъ онъ передъ ней раскланивался, а именно въ томъ, что раскланивался онъ весьма усердно и улыбался при этомъ во весь ротъ. Сопровождая ее изъ приемной въ гостиную, которая въ это время, точно по щучьему велѣнію, была уже ярко освѣщена, онъ забѣжалъ впередъ и озабоченно раскрылъ обѣ двери гостиной, точно боялся, что гостья въ одну дверь не пройдетъ. Можно предположить, что эта сіятельная особа, или, можетъ быть, мамаша ея, была когда-то заду-

шевной пріятельницей грибоѣдовской княгини Маріи Алексѣевны. Она или мать—все равно. Обѣ онѣ въ равной силѣ унаслѣдовали отъ княгини всѣ ея душевныя свойства, обѣ занимали, подобно ей, высокое общественное положеніе и вмѣшивались въ такія дѣла, въ которыя совать носъ особамъ женскаго пола, хотя бы даже и сіятельнымъ, «не токмо за честь, но и за совѣсть» законами Россійской имперіи строго воспрещается.

Она просидѣла въ гостиной Онуфрія Онуфріевича немало времени и разговаривала съ нимъ о чемъ-то, судя по всѣмъ признакамъ, весьма сложномъ, вызывавшемъ съ обѣихъ сторонъ многочисленныя возраженія. Онуфрій Онуфріевичъ, слушая ее, не разъ повертывался въ креслѣ съ такою силой, что оно трещало и скрипѣло, а «сіятельная» гостья тоже не разъ закусывала губы, сухія и тонкія, и бросала на него гнѣвные взгляды.

О чемъ они разговаривали, это осталось навсегда тайной, извѣстной лишь имъ однимъ. И чѣмъ окончились ихъ задушевные разговоры, обѣ этомъ въ управленіи, ввѣренномъ Онуфрію Онуфріевичу, свѣдѣній тоже никакихъ, ни прежде, ни послѣ, не имѣлось. Судя по тому, съ какою почтительностью Онуфрій Онуфріевичъ проводилъ эту гостью до первыхъ ступенекъ лѣстницы и съ какою сладкою улыбкою раскланялся съ нею, прощаясь,—судя по этому, можно было заключить, что они мирно уладили какой-то, должно быть, весьма сложный и взаимно для обоихъ важный вопросъ.

Однако, когда Онуфрій Онуфріевичъ возвратился съ площадки парадной лѣстницы въ свой кабинетъ, Страховъ оказался невольнымъ свидѣтелемъ того, какъ онъ, войдя въ комнату, поднялъ высоко руки, сжатые въ кулаки, и съ большою выразительностію погрозилъ ими кому-то въ воздухъ, а кому именно, это тоже осталось тайной «даже до сего дне».

X.

Пока сіятельная гостья бесѣдовала съ Онуфріемъ Онуфріевичемъ, Николай Николаевичъ, оставаясь въ кабинетѣ, переживалъ странное душевное состояніе, вовсе, казалось бы, ему не свойственное. Сидя въ тоскливомъ ожиданіи прихода Онуфрія Онуфріевича, онъ вспоминалъ о тихомъ уголкѣ съ книгами, сравнивалъ свое болѣе чѣмъ скромное положеніе съ тѣмъ, которое занималъ Онуфрій Онуфріевичъ,—и не завидовалъ ему. Напротивъ, томился желаніемъ насколько возможно поскорѣе убраться изъ его богатаго кабинета въ свой уголокъ и засѣсть за книгу.

— Чего, чего я не передумалъ,—разсказывалъ онъ потомъ, по возвращеніи домой:—вспомнилась мнѣ моя комната—покой, тишина, полнѣйшая отъ всего міра независимость. Лампа ярко го-

рить, книга передо мной, не нужно ни за кѣмъ ухаживать, волноваться, озабоченно выбѣгать навстрѣчу. Сиди и читай.

— Думаю себѣ, зачѣмъ я здѣсь томлюсь, зачѣмъ оглядываю кабинетъ Онуфрія Онуфріевича, его картины, портреты, вазы— всю роскошную обстановку и этотъ страшный столъ съ грудями бумагъ, которыя въ самомъ дѣлѣ производили на меня своими огромными массами жуткое впечатлѣніе. Вотъ ужъ именно можно сказать, что онѣ представляли собою воза исписанной бумаги...

Сидѣлъ онъ въ кабинетѣ Онуфрія Онуфріевича долго и со свойственной ему терпѣливостью ждалъ окончанія его разговора съ сіятельной гостьей. При той тишинѣ, какая царила вокругъ него, можно было подумать, что весь домъ обмеръ.

— Грѣшный человѣкъ,—разсказывалъ онъ потомъ, — я впалъ даже въ сомнѣніе, не уѣхалъ ли куда Онуфрій Онуфріевичъ со своей важной гостьей, такъ они по временамъ тихо разговаривали, даже, признаюсь, согрѣшили: подумалъ,—не ладно что-то между ними, что-то ужъ больно секретничаютъ... Слышу, часы гдѣ-то тикаютъ, гдѣ-то муха прожужжала у оконнаго стекла — и опять мертвая тишина. Вотъ, думаю, положеніе—и уйти мнѣ нельзя и оставаться не удобно. Однако, спустя нѣкоторое время, слышу, опять доносятся изъ сосѣдней комнаты отголоски ихъ разговора. Княгиня, слышу, волнуется, на что-то ропчетъ, Онуфрій Онуфріевичъ въ чемъ-то увѣряетъ, а что такое, въ чемъ дѣло между ними,—не возможно понять... Признаюсь, я даже и не интересовался этимъ: меня занималъ совсѣмъ другой вопросъ, именно—вопросъ о томъ, зачѣмъ я пришелъ къ Онуфрію Онуфріевичу. И чѣмъ дальше я задумывался надъ этимъ вопросомъ, тѣмъ больше убѣждался, что приходъ мой къ нему и не удаченъ, и не своевремененъ, и даже предосудителенъ. Да, именно — предосудителенъ. Вѣдь вотъ въ самомъ дѣлѣ, какъ можно впасть въ заблужденіе, совершенно неожиданно. Шелъ я къ нему съ однимъ намѣреніемъ, и, казалось мнѣ, очень твердымъ, обдуманнѣмъ, одобреннѣмъ даже и начальствомъ и пріятелемъ моимъ, достопочтеннѣмъ Аполлономъ Николаевичемъ, а, просидѣвъ въ кабинетѣ Онуфрія Онуфріевича съ полчаса времени, додумался совсѣмъ до другого намѣренія, прямо-таки противоположнаго первому. Осудилъ, грѣшный человѣкъ, и начальство свое и Майкова за то, что посовѣтовали мнѣ итти къ Онуфрію Онуфріевичу.

— Думаю себѣ, что я буду говорить Онуфрію Онуфріевичу о причинѣ моего къ нему прихода. Даже смѣшно!.. Главное—странно, какой неправильный ходъ можетъ принять мысль подъ давленіемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ. Я все тотъ же, какимъ былъ часъ тому назадъ, и дѣло мое въ томъ же положеніи, а думаю теперь о немъ совсѣмъ иначе, чѣмъ раньше думалъ. Скажу я,—соображаю себѣ,—скажу, что вотъ такъ и такъ меня предста-

вили къ наградѣ орденомъ Станислава первой степени, и я желаю освободиться отъ уплаты слѣдующей съ меня за эту награду суммы,—что онъ мнѣ можетъ на это отвѣтить? Конечно, пожметъ плечами и, пожалуй, расхохочется своимъ обычнымъ громовымъ хохотомъ, пожалуй, даже скажетъ, что мало ли, молъ, какія глупыя желанія могутъ иной разъ прійти въ голову,—нельзя же высказывать ихъ вслухъ. А можетъ случиться того хуже, можетъ онъ прочитаетъ такое внушеніе, что я не буду знать, какъ выбраться изъ его кабинета. Онъ можетъ меня и, конечно, съ полнымъ основаніемъ упрекнуть въ томъ, что я приглашаю его участвовать вмѣстѣ со мною въ дѣйствіи, клонящемся къ нарушенію казенныхъ интересовъ, что я злоупотребляю дружбой, что это, вообще говоря, съ моей стороны прямо-таки свинство. Но если бы, предположимъ, Онуфрій Онуфріевичъ, и не придалъ моей просьбѣ предосудительнаго характера и даже согласился бы, снисходя къ моему затруднительному положенію, обойти, такъ сказать, законъ и сложить слѣдующую съ меня сумму подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ,—развѣ это дѣйствіе не будетъ предосудительнымъ и даже преступнымъ? Стало быть, въ концѣ концовъ какой же изъ всего этого получится выводъ? Получится неизбѣжно такой выводъ, что я намѣреваюсь привлечь Онуфрія Онуфріевича въ соучастники въ преступленіи... Хе-хе!.. А для чего, въ силу какихъ обстоятельствъ? по бѣдности моей, что ли? Гм... гм... И спрашиваю самъ себя, что такое бѣдность...

При такомъ его вопросѣ явился, разумѣется, готовый отвѣтъ, явился, можно сказать, самъ собою, вынырнулъ изъ запасовъ его памяти, насыщенной, какъ говаривалъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, философскими мнѣніями «даже до чрезвычайности».

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что покойный Николай Николаевичъ владѣлъ семью языками—греческимъ, латинскимъ, английскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, итальянскимъ и русскимъ, и въ безбрежномъ морѣ философскихъ наукъ, по шутливому выраженію А. Н. Майкова, «купался безъ зазрѣнія совѣсти».

— И припомнилось мнѣ,—разсказывалъ потомъ Николай Николаевичъ, укоризненно качая головой видимо въ упрекъ самому себѣ,—припоминалось мнѣ, какъ разрѣшали вопросъ о бѣдности эпикурейцы. Да, да. По ихъ словомъ, бѣдность, согласующаяся съ законами природы, въ сущности—большое богатство. Потребности, установленныя для насъ природою, не велики: не голодать, не чувствовать жажды, быть укрытымъ отъ холода и непогоды. Развѣ трудно ихъ удовлетворить? Развѣ я не имѣю возможности не только легко удовлетворять ихъ, но пользоваться и многими другими благами жизни? Чего же мнѣ еще нужно? Богатства? Но разбогатѣть,—говоритъ Епикуръ,—не значитъ положить конецъ бѣдствіямъ, но только промѣнять ихъ на другія. Конечно, не тотъ бѣденъ, у кого

мало, а кто хочетъ большаго. Я ничего не хочу и никому не завижую. У меня всегда въ памяти мудрое изреченіе Сенеки, и я исполнѣ соглашаюсь съ нимъ, что «ничего нѣтъ достойнаго восхищенія, кромѣ души, а для ея величія ничто не достаточно велико».

— А о начальствѣ своемъ, скажу вамъ, хе, хе, по секрету,—разсказывалъ онъ потомъ,—о начальствѣ я, каюсъ, не разъ подумалъ съ великимъ осужденіемъ. Я рѣшилъ, что оно представило меня къ наградѣ неправильно, именно потому и неправильно, что не приняло во вниманіе обстоятельствъ дѣла, то-есть, будетъ ли его представленіе для меня наградой или огорченіемъ. Оно оказалось дѣйствительнымъ огорченіемъ. Я, конечно, могъ и имѣлъ основанія просить мое начальство снять съ меня, такъ или иначе, это огорченіе или ослабить его тѣмъ или другимъ способомъ; начальство мнѣ ни того, ни другого не сдѣлало и предложило обратиться къ Онуфрію Онуфріевичу. При чемъ тутъ Онуфрій Онуфріевичъ? Поступило начальство въ этомъ случаѣ, можетъ быть, и не безъ нѣкотораго лукавства,—это уже его дѣло... Потомъ я смирился: думаю себѣ, придержусь-ка я лучше совѣта апостола Павла, на котораго, между прочимъ, указываетъ и Оома Кемпійскій. Да, да. У апостола объ этомъ хорошо сказано: «Не буду судить чужому рабу: своему Господу стоитъ онъ и падаетъ. Силенъ бо есть Богъ поставить его».

Здѣсь тоже замѣчу, что книга Оомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу» была у Николая Николаевича всегда на столѣ. Въ комнатахъ, имъ занимаемыхъ, какъ сказано выше, книгъ было великое множество—и на столахъ, и на стульяхъ, и даже на полу. Книга Оомы Кемпійскаго всегда лежала на маленькомъ столикѣ около дивана у кресла, на которомъ онъ обыкновенно сидѣлъ, и всегда она находилась сверху другихъ, и случалось, онъ ее даже пряталъ въ ящикъ маленькаго столика, пряталъ не столько для того, чтобы скрыть ее отъ любопытныхъ глазъ, сколько для того, чтобы не разыскивать ее между грудями другихъ книгъ. Читалъ онъ эту книжку каждое утро. Но читалъ ли для того, чтобы ежедневно, такъ сказать, подвигивать себя въ смиренномудріе или только для практики въ латинскомъ языкѣ, — объ этомъ рѣшительнаго слова я сказать не могу.

Нужно добавить, что, сидя въ кабинетѣ знатнаго сановника, когда-то его близкаго товарища по бѣдности и однокашника по семинарской школѣ, онъ не ограничился апостольскимъ совѣтомъ «не судить чужому рабу», а придумалъ нѣкоторый, говоря его словами, «планъ дѣйствиій».

— Я придумалъ, хе хе,—посмѣивался онъ,—не хитрый, положимъ, но самый зато вѣрный, въ которомъ никакого риска, никакого раскаянія быть уже не могло. Знаете, вспомнилъ я изреченіе Амвросія Медиоланскаго, да, его изреченіе, и за него ухватился обѣими, можно сказать, руками. Амвросій Медиоланскій,

изволите видѣть, говорить о молчаніи слѣдующее: «Молчаніемъ, говорить, многихъ видѣлъ спасающихся, многоглаголаніемъ же — ни одного». Вотъ за молчаніе-то я и уцѣпился. Думаю себѣ, если будетъ Онуфрій Онуфріевичъ допрашивать о цѣли моего посѣщенія—отмолчусь. Хе, хе!..

XI.

Онуфрій Онуфріевичъ, проводивъ сіятельную гостью, возвратился въ кабинетъ, какъ сказано выше, грозя кулаками какому-то невидимому врагу. Кто былъ этотъ невидимый врагъ—не извѣстно. По движеніямъ Онуфрія Онуфріевича видно было, что онъ забылъ о томъ, что въ кабинетѣ у него сидитъ Николай Николаевичъ. Увидѣвъ его, онъ мрачно нахмурилъ брови, но тотчасъ же и овладѣлъ своимъ душевнымъ настроеніемъ и съ притворнымъ равнодушіемъ протянулъ какъ бы въ изумленіи:

— А—а!... Душа моя милая!..

Это восклицаніе, конечно, выдавало его и обнаруживало его истинныя чувства. Онъ этими словами ясно говорилъ, что я, молъ, душа моя милая, забылъ о тебѣ, а ты все еще здѣсь и въ такую скверную минуту, когда видѣть твою длинную сѣдую бороду я во все бы не желалъ. Подойдя къ письменному столу, онъ съ видимымъ волненіемъ передвинулъ съ одного мѣста на другое нѣсколько бумагъ, посмотрѣлъ потомъ почему-то на потолокъ, потомъ на свой портретъ, висѣвшій въ широкой золоченой рамѣ надъ диваномъ, обитымъ темно-зеленымъ трипомъ, и обратился къ Николаю Николаевичу съ предложеніемъ сѣсть поближе къ письменному столу. Думы его, видимо, были еще тамъ, куда онъ направлялъ свои грозящіе кулаки, и предъ духовными очами его все еще стояла высокая фигура старухи, бросавшей на него гнѣвные взгляды.

— Этотъ портретъ кто писалъ?—спросилъ Николай Николаевичъ Онуфрія Онуфріевича, видимо, для того, чтобы прервать неловкое молчаніе.

— Не помню я... Не хорошъ онъ.

— Однако сходство большое.

— Да, сходство, пожалуй... Давнишній онъ, и ордена не всѣ. Надо бы позвать мастера, чтобы дополнилъ, да все времени нѣтъ.

— Зачѣмъ ордена?—тихо проговорилъ Николай Николаевичъ:— полагаю, что все равно, есть они или нѣтъ.

— То-есть, гдѣ? На портретѣ?—спросилъ Онуфрій Онуфріевичъ, перебросивъ еще нѣсколько бумагъ съ одного мѣста на другое.

— Да, и на портретѣ...

— И вообще, по-твоему, они, конечно, не нужны?

— Пожалуй... Какъ для кого...

— Для тебя, я знаю, они не нужны. Ты—философъ.

Онуфрій Онуфріевичъ говорилъ нехотя, не взглянуть даже при этомъ ни разу на своего собесѣдника, и какъ ни старался удерживаться отъ мрачнаго нахмуриванья бровей,—онѣ все-таки хмурились. Собесѣдникъ понялъ, что о разговорахъ «по душѣ» теперь нечего и думать, и рѣшилъ поскорѣе раскланяться. Но Онуфрій Онуфріевичъ, опустившись на кресло у письменнаго стола, хотя и не съ прежнимъ радушіемъ, но все-таки не безъ участія спросилъ:

— Въ чемъ же твоя просьба, другъ? Говори.

— Насколько я догадываюсь, теперь, кажется, это не удобно,—уклончиво отвѣтилъ Николай Николаевичъ.

— Почему?..—сухо спросилъ Онуфрій Онуфріевичъ.

— Потому что не время теперь для этого. По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ думается.

— Да, пожалуй, до нѣкоторой степени... теперь не удобно. Но не бѣда,—говори только покороче..

— Нѣтъ, ужъ... хе, хе,—улыбнулся Николай Николаевичъ, довольный, что ему представляется случай удобно осуществить свой, какъ онѣ говорилъ, «планъ дѣйствій» и отдѣлаться отъ разспросовъ Онуфрія Онуфріевича:—я лучше въ другой разъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, это будетъ лучше,—видимо обрадовавшись, подсказалъ Онуфрій Онуфріевичъ:—у меня сегодня дѣлѣ многое множество накопилось, тутъ еще, какъ на грѣхъ, сіятельная гостыя задержала...

Онѣ торопливо посмотрѣлъ на часы и позвонилъ. На зовъ тотчасъ же вошелъ старикъ военной выправки и остановился у дверей, вытянувъ руки по швамъ.

— Карету вели подать.

— Карета давно ожидаетъ ваше—ство у подъѣзда,—отвѣтилъ онѣ, стоя на вытяжку.

— Какъ давно? Я назначилъ къ половинѣ восьмого.

— Къ семи, ваше—ство, изволили...

— Ахъ! ахъ! ахъ!..—воскликнулъ Онуфрій Онуфріевичъ:—дѣйствительно къ семи... Припоминаю. Могу опоздать, могу опоздать!.. — встревожился онѣ:—надо спѣшить. Проводы сегодня на вокзалѣ желѣзной дороги одного высокопоставленнаго, чтобъ ему!.. грѣхъ говорить-то!.. Ну, до свиданья, другъ!..—обратился онѣ къ Страхову и, наскоро поцѣловавшись съ нимъ, пошелъ въ переднюю, не дожидаясь выхода гостя изъ кабинета.

Навстрѣчу ему Богъ вѣсть откуда появились слуги, кто подавалъ шляпу, кто трость, кто верхнее платье. Потомъ одинъ слуга выбѣжалъ изъ подъѣзда отворять двери кареты, швейцаръ стоялъ около дверей подъѣзда, широко раскрывъ обѣ половинки.

— Скажите тамъ,—проговорилъ Онуфрій Онуфріевичъ, сидя въ каретѣ, и кивнулъ головой куда-то въ сторону:—я черезъ часъ буду, пусть подождутъ...

Лакей, сопровождавшій его къ дверямъ кареты, понялъ, что кивокъ головы относится къ ихъ высокородіямъ, господамъ Циркулярову и Законникову, и, захлопнувъ дверцы, тотчасъ же побѣжалъ въ боковую дверь, открывавшую входъ съ парадной лѣстницы въ канцелярію.

Страховъ, медленно спускавшійся съ лѣстницы, видѣлъ съ ея площадки, какъ суетились слуги около Онуфрія Онуфріевича. Спустившись внизъ въ переднюю, онъ уже не засталъ въ ней его и замѣтилъ только его широкую спину, скрыпнувшую за дверями подѣзда, и услышалъ потомъ глухой звукъ конскихъ копытъ по булыжникамъ беснѣжной въ ту зиму мостовой и громыханье кареты, удалявшейся по направленію къ Варшавской желѣзной дорогѣ.

ХІІ.

Отъ квартиры Онуфрія Онуфріевича Страховъ домой возвращался пѣшкомъ. Несмотря на то, что ночь была тихая и не морозная, онъ поднялъ воротникъ енотовой шубы и шель, прикрывъ имъ нижнюю часть лица. Я въ этотъ вечеръ возвращался изъ гостей и встрѣтилъ его на набережной Мойки, можно сказать, почти столкнулся съ нимъ въ одномъ изъ переулковъ.

— Ба! Вотъ встрѣча!

Онъ, по обыкновенію, улыбнулся, но улыбка была грустная, протянулъ мнѣ руку и промычалъ что-то сквозь зубы.

— Что это вы такъ запоздали? Я думаю, прислуга истомилась, ожидая васъ съ самоваромъ...

— М... м...

Онъ опять помычалъ и показалъ рукой на ротъ, давая такимъ дѣйствіемъ понять, что говорить не можетъ. Я вспомнилъ, что онъ, боясь простуды, всегда избѣгалъ разговора на воздухѣ, и пошелъ съ нимъ рядомъ, не задавая ему больше никакого вопроса.

Прошагали мы молча нѣсколько времени. Мнѣ показалось такое безмолвное путешествіе невыносимо скучнымъ, и онъ, видимо, былъ о томъ такого же мнѣнія. Проходя мимо извозчика, онъ тронулъ меня за плечо рукой и показалъ на него глазами.

— Стало быть, поѣдемъ!—спросилъ я.

Онъ утвердительно кивнулъ головой и отрывисто проговорилъ:

— Да... Утомительно.

Когда мы, наконецъ, добрались до Крюкова канала и угла Торговой и вошли въ подѣздъ дома Стерлигова (нынѣ Онанковича-Яцыно), онъ, остановившись у начала лѣстницы, глубоко вздохнулъ и покачалъ головой.

— О чемъ такой вздохъ?—спросилъ я.

— Трудно на улицѣ дышать носомъ,—сказалъ онъ.

— Ну-съ, поднимаемся, значить. Путь намъ предстоитъ далекой и высокій...

— Но онъ, по-моему, не труденъ, — замѣтилъ Николай Николасвичъ.

Нужно объяснить, что мы жили въ пятомъ этажѣ, и до нашей квартиры нужно было подняться, не много—не мало, на сто четырнадцать ступеней. Положимъ, лѣстница была очень хорошо устроена, полагая, съ маленькими ступенями и съ длинными площадками, отдѣлявшими одинъ этажъ отъ другого. Несмотря на это, подъемъ на высоту ста четырнадцати ступеней давалъ себя знать, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда поторопишься шагать.

Страховъ былъ человѣкъ не торопливый и поднимался по лѣстницѣ не только медленно, но даже, можно сказать, съ необычайной медлительностію. Онъ рассказывалъ по этому случаю почти каждый разъ, когда ему говорили о высотѣ нашей лѣстницы, рассказывалъ именно о томъ, какъ нужно ходить вообще по лѣстницамъ.

— Нужно, я вамъ скажу,—объяснялъ онъ,— при подъемѣ на каждую ступеньку раздвигать, т.-е. выпрямлять ногу всю, и при томъ, чтобы колѣна непремѣнно разогнулись правильно...

Гости слушали его объясненія, но едва ли кто либо изъ нихъ слѣдовалъ его совѣту, ибо не всякій, по моему мнѣнію, способенъ былъ подвергать себя такому испытанію и при такомъ высокомъ подъемѣ. Выносить его могъ только Страховъ, спокойный, никогда не волновавшійся и никуда не торопившійся.

Швейцаръ, бывало, говаривалъ по поводу его шаганья по лѣстницѣ.

— Шлепаешь, шлепаешь калошами,—Господи помилуй. Досада иной разъ возьметъ слушать его шлепанье. Грѣшный человѣкъ, осуждаю его часто. Главная причина—ужъ больно медленно шагаетъ: шлепъ, шлепъ, да еще и остановится и въ полъ глядитъ, точно на немъ, на полу-то этомъ, Богъ вѣсть какіе узоры нарисованы. Хорошій онъ человѣкъ, ласковый, а ужъ шагаетъ по ступенямъ,—не приведи Богъ!..

Въ этотъ вечеръ порядокъ его жизни былъ нарушенъ. Самоваръ, съ которымъ, по обычаю, ждала его прислуга къ восьми часамъ, потухъ, и пришлось его снова разогрѣвать. Лампа Домбергская, которую онъ всегда самъ зажигалъ, бережно и тщательно подрѣзывая свѣтильню, коптила, и онъ долго возился съ ней, уныло покачивая при этомъ головой. Когда я, спустя нѣкоторое время по возвращеніи домой, зашелъ къ нему, онъ былъ задумчивъ и съ несвойственною ему хмуростію свертывалъ свою обычную папиросу. Но потомъ, разговорившись по поводу посѣщенія Онуфрія

Онуфріевича, мало-помалу сталъ оправляться и шутить и разсказаль мнѣ, что ему пришлось пережить, передумать въ кабинетѣ Онуфрія Онуфріевича, припомнилъ даже, какой «чиновный трепеть» почувствовали господа Циркуляровъ и Законниковъ, когда подошли къ дверямъ его кабинета — словомъ все то, что я перedalъ въ предыдущихъ главахъ.

— Куда бѣгутъ?.. Какія высокія цѣли преслѣдуютъ?.. Суета! Суета!—проговорилъ онъ въ заключеніе своего разсказа.

— Но что вы намѣрены теперь предпринять?

— То-есть, какъ это, въ чемъ?..

— А вотъ по дѣлу объ уплатѣ за орденъ.

— Да ничего, — вздохнулъ онъ, — само какъ нибудь устроится.

— Само, Николай Николаевичъ, не устроится. Надо все-таки приложить стараніе.

— Да, да!—задумчиво проговорилъ онъ и замолчалъ.

Я зналъ, что онъ по службѣ получалъ всего тысячу рублей, зналъ и о томъ, что займы онъ ни въ какомъ случаѣ просить не будетъ и предложеніе займа тоже отвергнетъ, — и терялся въ догадкахъ о томъ, какъ онъ выйдетъ изъ затруднительнаго положенія. А онъ молчалъ.

Вообще, при вопросахъ о положеніи его дѣлъ и при многихъ даже другихъ, въ особенности такихъ, на которые онъ не признавалъ нужнымъ давать опредѣленные отвѣты, у него былъ всегда въ памяти одинъ и тотъ же пріемъ—отмалчиваться, и отмалчивался онъ, какъ сказано выше, очень умѣло, а именно, на вопросъ объ одномъ самъ задавалъ вопросъ и совѣтъ уже, такъ сказать, «изъ другой оперы».

XIII.

По средамъ собирались у него обычные гости, давнишніе пріатели, преимущественно старички.

Книги на диванѣ сдвигались насколько возможно въ одну сторону, чтобы дать мѣсто гостямъ, что, впрочемъ, при непомѣрной длинѣ дивана не представляло трудности.

Длиною этотъ диванъ былъ, какъ сказано выше, четыре аршина и, надо сознаться, довольно уродливый. Одинъ его конецъ, ближайшій къ креслу, на которомъ обыкновенно сидѣлъ самъ Николай Николаевичъ, былъ всегда заваленъ книгами. Вокругъ дивана стояли кресла ветхозавѣтной работы, тоже съ жесткими деревянными спинками, какъ и диванъ, и тоже изъ краснаго дерева. Кресла эти въ среду придвигались отъ стѣнъ поближе къ дивану.

На чайномъ столѣ, т.-е., говоря точнѣе, не на чайномъ, а тоже заваленномъ книгами столѣ, довольно длинномъ, въ родѣ какъ бы письменнаго, стоявшемъ въ широкомъ простѣнкѣ между окномъ

и балкономъ, появлялась чистая скатерть съ подносомъ, самоваромъ и чайнымъ приборомъ. Иногда бывали на ней поставлены и сухари, и сливки, и лимонъ, но—не всегда.

Самъ Николай Николаевичъ пилъ чай безъ всякихъ прибавленій.

— Я росъ сиротой,—разсказывалъ онъ по поводу этого,—и во дни дѣтства и отрочества жилъ у дяди архіерея, который, по скудости своихъ средствъ или по скупости, питалъ меня только однимъ молокомъ. И вотъ съ тѣхъ поръ я чувствую къ молоку большую неприязнь.

Сливки, лимонъ и сухари составляли всю роскошь его угощенія, и сказать надо правду, появлялись они на его столѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда кто нибудь изъ гостей, безцеремонный и откровенный человѣкъ, заявлялъ, укоризненно качая головой и улыбаясь.

— Николай Николаевичъ, не скупитесь. Умрете, вѣдь все останется.

— Что такое? Въ чемъ моя скупость?—смущенно спрашивалъ Страховъ.—Извините, я недостаточно ясно понимаю...

— Скупость ваша ярко обнаруживается... ха... ха! Помилуйте, одинъ пустой чай и безъ коньяку!

— Ахъ, вы, шутникъ, а я въ самомъ дѣлѣ смутился... Я знаю, вы вина не пьете...

— Не въ винѣ дѣло. Не въ винѣ! Пищи надо, Николай Николаевичъ, пищи... Булочки бы что ли или хлѣбца, сухариковъ какихъ нибудь сдобненькихъ. Я ужъ не говорю о кондитерскихъ печеньяхъ. Отъ васъ этого не дождешься...

Николай Николаевичъ иногда на подобное заявленіе отвѣчалъ тоже, конечно, съ улыбкой.

— Ахъ, вы лакомка. Представьте, я этого и не подозрѣвалъ. Вотъ какая новость!.. А помните, сказано: «не отъ хлѣба единого живъ человѣкъ»?

— Да, да! Слыхали. Но, тѣмъ не менѣе, и безъ хлѣба тоже не возможно жить,—смѣясь, возражалъ гость.

— О! Мысль вѣрная, и, безъ всякаго сомнѣнія, ее трудно оспаривать... хе, хе!

Гости оставались у него обыкновенно только до двѣнадцати часовъ, такъ какъ знали, что Николай Николаевичъ хотя и ложился спать около двухъ часовъ ночи, но находилъ необходимымъ оставаться отъ двѣнадцати до двухъ въ одиночествѣ и въ полномъ покоѣ, для того, конечно, чтобы имѣть возможность заснуть, да и то, какъ говорилъ онъ, «съ грѣхомъ пополамъ».

Гости толковали по обыкновенію о служебныхъ дѣлахъ, о газетныхъ извѣстіяхъ, о новостяхъ въ области науки и литературы, а чаще всего «о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ». Самъ Ни-

колай Николаевичъ предпочиталъ слушать разговоръ и помалчивать. Сидитъ себѣ въ мягкомъ креслѣ около стола и посматриваетъ на гостей, иногда немного какъ будто нахмурится, вслушиваясь въ разговоры ихъ и видимо не раздѣляя высказываемыхъ взглядовъ, иногда даже головой покачаетъ при этомъ.

— Что вы, Николай Николаевичъ, головой качаете?—обращался иной разъ гость, воодушевленный своими рѣчами, — если вы не согласны съ моими доводами, то извольте возражать, а не отмалчиваться.

А Страховъ въ отвѣтъ на его замѣчаніе, при первыхъ же его словахъ, уже повеселѣлъ и улыбается обычной кроткой улыбкой.

Хмурился онъ, нужно замѣтить, очень рѣдко, чаще всего—улыбался. Представить себѣ Николая Николаевича безъ улыбки я, признаюсь, не могу. Портретъ его въ музеѣ императора Александра Третьяго работы Рѣпина, не достаточно, кстати сказать, похожій, изображаетъ его тоже съ улыбкой, но да проститъ меня художникъ за мое замѣчаніе, улыбка эта не Страхова, и не улыбка это, а скорѣе гримаса.

XIV.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, посѣщавшій среды Страхова, почти всегда былъ первымъ и раннимъ на нихъ гостемъ, и если онъ, случалось, не зайдетъ, Страховъ на другой день утромъ непременно навѣдается о его здоровьѣ. Иногда, положимъ, очень рѣдко,—въ зиму раза два, три, не болѣе,—онъ запаздывалъ и приходилъ въ такое время, когда всѣ кресла около длиннаго стола и дивана уже были заняты гостями.

— Извините, другъ, запоздалъ!—возвѣщалъ онъ, входя и раскланиваясь съ гостями.

— А-а! Аполлонъ Николаевичъ?—восклицалъ Страховъ:—а я, представьте, уже впалъ въ уныніе, думаю, не заболѣли ли.

— О, нѣтъ! Силами небесными охраняемый здравствую и славлю имя Божіе!

— Пожалуйте! Пожалуйте!..

Съ приходомъ запоздавашаго Майкова между гостями происходило нѣкоторое смущеніе и замѣшательство: каждый желалъ уступить ему свое мѣсто, и поэтому всѣ поднимались съ креселъ и уходили въ сторону. Майковъ чувствовалъ, что ему воздаются почести, и немного какъ будто смущался и отмахивался обѣими руками отъ предложеній.

— Не беспокойтесь... Извините... Я найду себѣ мѣсто, я гдѣнибудь въ уголочкѣ...

Онъ присматривался сквозь очки къ длинному дивану, намѣреваясь найти на немъ себѣ мѣстечко около книгъ.

Онъ былъ очень близорукъ, и въ послѣдніе годы въ особенности его зрѣніе ослабѣло. Онъ даже побаивался, не ослѣпнуть бы совсѣмъ, подобно тому, какъ покойный его отецъ, извѣстный въ свое время художникъ Николай Аполлоновичъ, потерявшій зрѣніе въ дни старости.

Смущеніе гостей наконецъ прекращалось. Майкова, разумѣется, усаживали на первое, такъ сказать, мѣсто, ближайше къ тому креслу, на которомъ обыкновенно сидѣлъ Страховъ. Съ приходомъ его разговоръ гостей часто оживлялся сообщаемыми имъ новостями. Онъ рассказывалъ о перемѣщеніяхъ и новыхъ назначеніяхъ въ высшихъ чиновныхъ сферахъ, съ которыми, по служебному положенію своему, какъ предсѣдатель комитета иностранной цензуры, онъ соприкасался. Въ комитетѣ иностранной цензуры онъ служилъ давно, сначала, какъ водится, младшимъ цензоромъ, потомъ старшимъ и наконецъ послѣ смерти Тютчева (поэта) занялъ его мѣсто. Отъ него гости Николая Николаевича узнавали свѣжія новости о предполагаемыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ службы въ томъ или другомъ вѣдомствѣ и т. п.

Чиновной важности въ немъ никогда и тѣни не было. Едва ли онъ даже когда вспоминалъ о томъ, что имѣетъ чинъ тайнаго совѣтника и нѣсколько звѣздъ. Разумѣется, онъ имѣлъ болѣе основаній считать неизмѣримо высшимъ свое литературное имя, чѣмъ всякіе чины и ордена.

Да и литературному имени онъ немного придавалъ значенія и цѣнилъ въ человѣкѣ всего болѣе его нравственныя достоинства. На томъ свѣтѣ, говорилъ онъ, никакого значенія нашимъ литературнымъ заслугамъ не придадутъ, а спросятъ перво-наперво, исполнилъ ли заповѣдь: «возлюби и прости».

Позволяю себѣ, говоря объ А. Н. Майковѣ, припомнить разговоръ изъ одной его поѣздки въ Парголово, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ каждое лѣто, если не ошибаюсь, до восьмидесятихъ годовъ, когда приобрѣлъ себѣ дачу на станціи Сиверской по Варшавской желѣзной дорогѣ (теперь, послѣ его смерти, уже проданную его наслѣдниками).

Однажды ѣхалъ онъ въ Парголово съ покойнымъ Афанасіемъ Федоровичемъ Бычковымъ, директоромъ императорской Публичной библіотеки. Это было давно, еще во времена блаженной памяти щипинскихъ дилижансовъ, за много лѣтъ до постройки финляндской желѣзной дороги. Щипинскіе дилижансы шутники называли тогда помѣщеніемъ сорока мучениковъ, такъ было тѣсно, душно и неудобно въ нихъ ѣздить. Лошади были костлявыя, измученныя, кучера въ рваныхъ кафтанахъ, кондуктора унылаго вида, одѣтые тоже чуть не въ отрепье, словомъ — въ общемъ эти дилижансы представляли нѣчто до такой степени жалкое, нищенское, чего въ наши дни уже представить въ Петербургѣ нельзя. Но тогда жили

проще и меньше обращали вниманія на щеголеватую внѣшность. Майковъ и Бычковъ опоздали добратъся до дилижанса заблаговременно, чтобы успѣть занять мѣсто внутри его, и остановились въ раздумьѣ...

— Ёдете что ли?—вяло спросилъ кондукторъ.

— Да гдѣ же сѣсть? Мѣсть нѣтъ...

— Какъ нѣтъ? На козлахъ есть еще два мѣста, рядомъ съ кучеромъ.

— Аполлонъ Николаевичъ, какъ вы полагаете?—спросилъ Аванасій Ѳедоровичъ:—можно намъ сѣсть на козлы?

— Гм...—засмѣялся Майковъ, — по-моему, не только можно, а даже должно...

— Въ такомъ случаѣ ѣдемъ.

Аполлонъ Николаевичъ былъ средняго роста, тощій и костлявый, какъ говорится, легкій на подъѣмъ. Онъ легко поднялся на высокіе козлы, гдѣ сидѣлъ кучеръ, а Аванасій Ѳедоровичъ былъ не то, чтобы очень тучный, но довольно-таки мясистый человѣкъ. Онъ не безъ усилій преодолѣлъ трудности подъема и, забравшись наконецъ на верхъ, тяжело дыша, проговорилъ:

— Уфъ! Напрасно мы забрались сюда...

— Какъ напрасно!—засмѣялся Аполлонъ Николаевичъ: — мы занимаемъ теперь высокое положеніе.

— Высокое, но одобренія не заслуживающее.

— Ну, теперь уже поздно обсуживать это дѣло. Забрались, такъ надо сидѣть...

Когда дилижансъ тронулся, Аванасій Ѳедоровичъ сказалъ:

— А все-таки это не ладно.

— Что такое? Что не ладно?

— Да вотъ то именно, что мы сѣли на козлахъ.

— Не удобно вамъ сидѣть, да?—озабоченно спросилъ Майковъ:—подвигайтесь ко мнѣ поближе, я еще потѣснюсь къ краю.

— О, нѣтъ! Не въ этомъ дѣло. Сидѣть можно... Вопросъ совсѣмъ другой. Не хорошо то, что мы умалняемъ свои заслуги, садимся тамъ, гдѣ не подобаетъ...

— Почему не подобаетъ?

— А потому, что мы съ вами въ чинахъ, такъ сказать... И вдругъ оказывается: на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ...

— Вотъ еще что выдумали! А кучеръ-то развѣ не такой же образъ Божій носитъ, какъ и мы съ вами?

— Я не объ образѣ Божіемъ,—засмѣялся Бычковъ:—я о томъ, что мы все-таки генералы.

— А онъ, можетъ быть, по душевнымъ своимъ достоинствамъ, генералиссимусъ!..

— Этого, хе, хе, не видно... Впрочемъ, предполагать не возвращается...

— О, конечно! Но, тѣмъ не менѣе, нужно помнить, что и генералиссимусъ, и кучеръ, даже такой рваный и жалкій, каковымъ является себя щипинскаго дилижанса возница,—всѣ сойдутъ «подъ вѣчны своды» въ равномъ чинѣ и званіи...

— Такъ, такъ!—задумчиво проговорилъ Аванасій Федоровичъ,— а дальше что будетъ?

— А дальше будетъ Парголово,—смѣясь отвѣтилъ Майковъ.

— Парголово — само собой. Я спрашиваю, что будетъ дальше за земной жизнию?

— А вы не знаете? Какой же вы, однако, скрытный!

— А вы знаете, Аполлонъ Николаевичъ?

— Знаю!—твердо отвѣтилъ Майковъ,—знаю! — повторилъ онъ еще тверже воодушеваясь, и продекламировалъ изъ оды: «Богъ».

«Твоей то правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бедну переходило
Мое безсмертно бытіе;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ, въ бессмертіе Твое».

Голосъ его при послѣднихъ словахъ декламации дрогнулъ, и на глазахъ показались слезы.

Такъ рассказывалъ объ этой поѣздкѣ покойный Аванасій Федоровичъ.

Но извините: я нѣсколько уклонился въ сторону.

На вечернихъ собраніяхъ по средамъ у Николая Николаевича никто ни за кѣмъ не ухаживалъ, никто никому не льстилъ, не было ни въ комъ ни важности, ни высокомерія. Всѣ были равны, и всѣ говорили одинаково спокойно, не раздражаясь, не волнуясь, не возвышая голоса и не перебивая одинъ другого. Такой всегда мирный характеръ бесѣды обуславливался годами собесѣдниковъ, ихъ житейскою мудростію, умѣньемъ выслушивать возраженія, умѣньемъ отвѣчать на нихъ, не рисуясь своимъ краснорѣчіемъ, какъ рисуются имъ адвокаты, а кратко и вразумительно: «въ малыхъ словахъ много разумъ замыкающе».

Такому характеру бесѣды способствовалъ и самъ Николай Николаевичъ, отличавшійся необыкновенною кротостію нрава и спокойствіемъ рѣчи. Угощалъ онъ гостей своихъ чаемъ, который всегда самъ съ необычайною тщательностію наливалъ и самъ подавалъ гостямъ стаканы, каждому отдѣльно и непремѣнно съ радушною улыбкой.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ разговоръ зашелъ между прочимъ о нѣкоемъ писателѣ, отличавшемся большою смѣлостію своихъ сужденій.

— Да, да,—замѣтилъ Николай Николаевичъ,—очень у него все стгоряча. Это, конечно, весьма дурно и даже опасно: ведетъ ко многимъ ошибкамъ. Стгоряча можно и убить и родить человѣка, а вѣдь въ спокойномъ состоянїи этого не сдѣлаешь. Я вамъ покажу его послѣднюю статью. Тоже удивительная. Можно сказать, написалъ впопыхахъ. «Хваталъ, какъ говорить Курбскій, отъ многихъ священныхъ словесъ съ великою яростію и лютостію». Вотъ послушайте, я вамъ прочитаю изъ нея нѣчто достойное вниманія.

Онъ поднялся съ кресла, какъ всегда, не спѣша, не слышными шагами отправился къ одной изъ полокъ съ книгами, которыми были заняты всѣ стѣны комнаты.

— Вниманіе, господа. Извольте слушать,—съ обычной улыбкой обратился онъ къ гостямъ:—въ этой статьѣ авторъ высказываетъ свои, если можно такъ выразиться, высшія соображенія о нѣкоторыхъ библейскихъ событіяхъ, а именно—почему Воозъ долженъ былъ родить Овида отъ Руои, а Давидъ царь—Соломона отъ Вирсавїи, бывшей за Уріею, и такъ далѣе до рожденія Иисуса Христа. Вопросъ, какъ видите, великой глубины.

Онъ надѣлъ очки и сталъ читать, по обыкновенію, медленно и ясно произнося каждое слово.

А. Н. Майковъ не выдержалъ, быстро поднялся съ кресла и прервалъ чтеніе громкимъ возраженіемъ.

— Въ своемъ ли онъ умѣ? Откуда у него данныя для разрѣшенія такихъ вопросовъ? Какъ онъ можетъ рассуждать о томъ, о чемъ никто изъ смертныхъ не знаетъ?

Николай Николаевичъ закрылъ книгу и потомъ, приложивъ палецъ ко лбу, съ обычной тихой усмѣшкой проговорилъ:

— Онъ зна—а—еть!..

XV.

Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній гостей о характерѣ литературныхъ работъ упомянутаго автора разговоръ перешелъ на другой предметъ, и наконецъ кто-то вспомнилъ о наградѣ, полученной Страховымъ, и съ улыбкой спросилъ:

— А вѣдь вы, батюшка, теперь кавалеръ ордена первой степени.

— Да—а!—вздохнувъ, отвѣтилъ онъ:—удостоился.

— Поздравляю! Вы должны по этому случаю устроить праздникъ съ соответствующимъ угощеніемъ и съ шампанскимъ, конечно, и должны быть, при такомъ знаменательномъ случаѣ, само собою разумѣется, въ полной парадной формѣ при лентѣ и звѣздѣ и со всѣми гостями чокаться бокаломъ.

— О, да! конечно,—улыбаясь, отвѣтилъ Николай Николаевичъ:—мнѣ въ особенности это необходимо сдѣлать, ибо я имѣю большую склонность къ почестямъ и славѣ... Хе, хе!..

— А что, Онуфрій Онуфріевичъ уважилъ ваше ходатайство?— спросилъ Майковъ.

— Да, слава Богу, все устроилось...

— Ну, вотъ! Я вамъ говорилъ, что все устроится,—весело замѣтилъ онъ:—Онуфрій Онуфріевичъ предобрѣйшій человѣкъ.

Николай Николаевичъ задумчиво посмотрѣлъ на него и молчавъ отвѣтилъ:

— Да, да. Все, слава Богу, хорошо.

Отвѣтъ, однако же, несмотря на утвердительный тонъ, вышелъ почему-то не полнымъ. Чувствовалось въ немъ нѣчто недосказанное.

Не досказано было немного, а именно только то, что Николай Николаевичъ къ Онуфрію Онуфріевичу съ просьбой своей больше не обращался и для выхода изъ затруднительнаго положенія, т.-е. пополненія вычета изъ жалованья суммы, слѣдовавшей за орденъ, нашелъ какой-то другой исходъ. Какой именно—онъ не говорилъ. Вообще, несмотря на свою всегдашнюю любезность и готовность оказать каждому самое, повидимому, искреннее вниманіе, онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ особенности въ такихъ, которые касались его самого, умѣлъ хорошо отмалчиваться. Спросить его, напримѣръ, о чемъ нибудь такомъ, о чемъ онъ находилъ неудобнымъ дать какой либо отвѣтъ, онъ тотчасъ же на сдѣланный вопросъ самъ задавалъ вопросъ.

— Ахъ, да!.. Простите, чуть не забылъ! Мнѣ давно хотѣлось васъ спросить вотъ о чемъ...

И неудобный отвѣтъ отходилъ въ сторону.

Однажды, спустя уже недѣли три послѣ его разсказа о посѣщеніи Онуфрія Онуфріевича, я замѣтилъ, что онъ, собравшись куда-то уходить, надѣлъ не ту шубу, которую обыкновенно носилъ, не енотовую, а какую-то другую, старенькую.

— Это что за перемѣна у васъ?—спросилъ я.

— Какая? Въ чемъ?

— А шуба? Это же не енотовая?

— Да, да, — задумчиво проговорилъ онъ:—вы совершенно справедливо замѣтили. Это, какъ видите, простенькая, изъ крашенago барана...

— Гдѣ же енотовая?

— Она уплыла...

— За расплату за орденъ, да?

— А Богъ ее знаетъ. Вообще уплыла... Мало ли какія встрѣчаются иной разъ надобности...

Онъ вздохнулъ и сталъ медленно натягивать на себя баранью шубу.

Живя съ нимъ вмѣстѣ, какъ сказано выше, почти два десятилѣтія, я привыкъ по выраженію его всегда кроткаго лица читать его мысли и въ данномъ случаѣ видѣлъ, что онъ при разговорѣ о шубѣ былъ огорченъ, но огорченъ не тѣмъ, что перемѣнилъ еотовую шубу на баранью, а именно только тѣмъ, что не додумался до этого раньше. И предположеніе мое подтвердилось—онъ уходя сказалъ:

— Ошибся я! Что дѣлать, безъ ошибки не проживешь... Не слѣдуетъ обращаться за помощью къ сильнымъ міра, надо искать ее въ самомъ себѣ. Да! сказано: «не надѣйтесь ни на князи, ни на сыны человѣческіе, въ нихъ же нѣсть спасенія».

Д. И. Стахѣевъ.

